

На правах рукописи

Горбунов Вадим Владимирович

**ВОЕННОЕ ДЕЛО СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ
(III–XIV ВВ. Н.Э.)**

Специальность **07.00.06** – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Барнаул – 2006

Работа выполнена на кафедре археологии, этнографии и
источниковедения Алтайского государственного университета

- Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Кирюшин Юрий Федорович
- Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Худяков Юлий Сергеевич;
доктор исторических наук, профессор
Зиняков Николай Максимович;
доктор исторических наук, профессор
Харинский Артур Викторович
- Ведущая организация: **Томский государственный университет**

Защита состоится 10 ноября 2006 г. в 13 час. на заседании диссертационно-го совета ДМ 212.005.08 при Алтайском государственном университете по адресу: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Алтайского государственного университета.

Автореферат разослан «___» октября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Е.В. Демчик

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Военное дело, как комплекс материальных средств и организационных мер, создаваемых обществом в целях защиты и нападения, является важной областью человеческой жизнедеятельности. Оно выступало существенным инструментом при решении задач политического, социального, экономического и идеологического уровня. В отечественной исторической науке, на ее современном этапе, изучению военного дела уделяется значительное внимание. Одним из направлений военной истории во второй половине XX – начале XXI века стало оружиеведение. Наиболее активно оружиеведческие исследования проводятся на материалах полученных такой исторической дисциплиной как археология. Это позволяет специалистам говорить о выделении самостоятельной области знаний – военной археологии. Именно данное актуальное направление развивает настоящая диссертационная работа.

Особенно большое значение играло военное дело у кочевого и полукочевого населения Евразии, экономика которого носила экстенсивный характер. Ведение успешной войны гарантировало для кочевников получение дополнительных материальных благ в виде добычи и дани, а зачастую и само их существование. Феномен военного преобладания кочевников в течение 2,5 тыс. лет над оседло-земледельческими цивилизациями Древнего мира и Средневековья является одной из сложнейших проблем военной истории. Ее решение во многом зависит от степени изученности военного дела кочевников в целом, которая в настоящее время пока неравномерна.

Наше исследование посвящено изучению военного дела кочевого населения Алтая в эпоху средневековья (III–XIV вв. н.э.). В начале этой эпохи на территории Алтая сложились и получили дальнейшее развитие оригинальные комплексы вооружения и формы боевой организации, определившие военное превосходство кочевников на протяжении последующего тысячелетия. Их анализ поможет лучше раскрыть закономерности успехов ведущих кочевых этносов, таких как тюрки и монголы и объяснить жизнеспособность культурно-хозяйственного типа кочевых скотоводов, которые не только побеждали, но и неоднократно завоевывали более развитые в экономическом и политическом отношении оседло-земледельческие государства. Обозначенные моменты делают изучение заявленной темы особенно значимой.

Актуальность диссертационного исследования заключается также в тех возможностях, которые открывает изучение военного дела для решения других задач исторического и археологического характера. Построение эволюции вооружения средневекового населения Алтая способствует уточнению датировки археологических памятников. Выделение в доспехах и оружии этнокультурных признаков проливает свет на миграционные и этногенетические

процессы, а также указывает направление торговых контактов. Количество и качество боевых средств свидетельствует об уровне развития экономики. Данные по военной организации отражают социальную стратификацию общества. Комплекс этих сведений может быть использован при воссоздании истории Алтая и сопредельных с ним регионов на протяжении более чем тысячелетнего периода времени.

Краткая история изучения археологических источников. Начало формирования источниковой базы по вооружению населения Алтая эпохи средневековья приходится на 2-ю пол. XIX века. В 1862 г. академик В.В. Радлов раскопал курган в Кулунде, а в 1865 г. серию курганов на могильниках Катанда-I, Катанда-II и Берель. Результатом его работ явились первые документированные находки различных видов доспеха и оружия: панцирные пластины, остатки сложносоставных луков, наконечники стрел и копий, мечи и сабли, боевые ножи.

Дальнейшее изучение средневековой панопли Алтая продолжилось в 1-й пол. XX века. Оно связано с именами таких археологов как А.А. Гаврилова, А.Н. Глухов, М.П. Грязнов, Л.А. Евтюхова, С.В. Киселев, Н.М. Комарова, А.П. Марков, С.И. Руденко, С.М. Сергеев, а также краеведов-любителей Н.С. Гуляева и М.Д. Копытова. В горной части Алтая находки боевых средств были сделаны на 10 памятниках, в лесостепи – на 11 памятниках. Полученные материалы представляли уже многие виды оборонительных и наступательных средств. Расширился их хронологический и этнокультурный диапазон.

В 50-60-х гг. XX в. новые находки вооружения получены в результате археологических работ, проводившихся Б.Х. Кадиковым, А.М. Кулемзиным, Д.Г. Савиновым, Т.Н. Троицкой, А.П. Уманским, Н.Л. Членовой на 11 могильниках. Они способствовали как количественному росту источниковой базы, так и более равномерному наполнению ее видового состава.

На 70-80-е гг. XX в. приходится резкое увеличение источников по вооружению Алтая. Боевые средства были найдены в 41 горном памятнике и в 48 лесостепных памятниках. Свой вклад в их изучение внесли десятки исследователей: М.Т. Абдулганеев, Ю.П. Алехин, В.Б. Бородаев, А.П. Бородовский, А.С. Васютин, В.Н. Елин, А.М. Илюшин, С.М. Киреев, Ю.Ф. Кирюшин, В.А. Кочеев, В.Д. Кубарев, А.Л. Кунгуров, Х. Лхагвасурэн, Ю.Т. Мамадаков, Э.М. Медникова, В.А. Могильников, С.В. Неверов, С.П. Нестеров, А.В. Новиков, Д.Г. Савинов, Н.Ф. Степанова, А.С. Суразаков, Т.Н. Троицкая, В.С. Удодов, А.П. Уманский, Ю.С. Худяков, А.Б. Шамшин и многие другие. Проводившиеся масштабные раскопки способствовали не только дальнейшему численному росту массовых средств поражения (стрелы, луки), но и суще-

ственному пополнению более редких видов паноплии (панцири, копья, мечи и сабли, боевые ножи, кинжалы, боевые топоры).

В 90-е гг. XX в. – начале XXI в. темпы роста оружейных источников, по-прежнему остаются достаточно высокими. В Горном Алтае такие находки сделаны на 21 памятнике, в Лесостепном Алтае – на 37 памятниках. Обследования и раскопки на них проводились археологами из *Барнаула*: М.Т. Абдулганеев, А.С. Боровков, В.В. Горбунов, П.К. Дашковский, М.А. Демин, Я.В. Егоров, А.А. Казаков, К.Ю. Кирюшин, Ю.Ф. Кирюшин, А.В. Кондрашов, А.Л. Кунгуров, С.В. Неверов, В.П. Семибратов, С.М. Ситников, А.Н. Телегин, А.А. Тишкин, Я.В. Фролов, А.Б. Шамшин, П.И. Шульга; *Горно-Алтайска*: В.А. Кочеев, О.В. Ларин, В.И. Соенов, А.С. Суразаков, А.В. Эбель; *Новокузнецка*: Ю.В. Ширин; и *Новосибирска*: Л.А. Бобров, А.Ю. Борисенко, В.Д. Кубарев, Г.В. Кубарев, Н.В. Полосьяк, Ю.В. Тетерин, Ю.С. Худяков.

Помимо вооружения зафиксированного в результате проведения археологических работ, в течение последнего столетия сформировался значительный фонд случайных находок боевых средств, сделанных в разных районах Алтая и относящихся к эпохе средневековья. Это либо сборы с памятников разрушенных в результате природного и антропогенного воздействия, либо отдельные предметы, обнаруженные гражданами и переданные в различные музеи Алтайского края и Республики Алтай. Несмотря на ограниченную информативность этнокультурного плана, такие находки, как правило, отличаются хорошей сохранностью. Она позволяет полноценно судить о конструкции, декоре, изначальных параметрах и технологии изготовления вещей, которые искажаются у предметов из закрытых археологических комплексов. Поэтому, случайно обнаруженное вооружение имеет большое значение для пополнения источниковой базы. Его целесообразно использовать при анализе отдельных видов и комплексов паноплии, сопоставляя с типологически близкими, хорошо датированными археологическими находками.

Большое значение для изучения военного дела Алтая имеет открытие и введение в научный оборот изобразительных источников. С середины XIX в. до начала XXI в. их корпус, хотя и медленно, но неуклонно увеличивался. Серия предметов торевтики, изображающих воинов кулайской и сrostкинской культур, была найдена Л.И. Шренком, М.Д. Копытовым, А.П. Уманским, В.А. Могильниковым и Ю.П. Алехиным. Наскальные рисунки представляющие булан-кобинских, тюркских и монгольских воинов, скопированы А.Н. Глуховым, Э.А. Новгородовой, Е.А. Окладниковой, В.Д. Кубаревым, Д. Цэвэндоржем, В.Д. Черемисиным и В.В. Горбуновым. Ценную информацию по отдельным видам оружия содержат каменные изваяния тюрков.

Всего за 150 лет изучения на Алтае открыто 194 определенных памятника и местонахождения, содержащих вещественные материалы по вооружению и 58 памятников с изображениями боевых средств. Наиболее массовая информация имеется о луках и стрелах, мечах и саблях, гораздо меньше панцирей, копий и боевых ножей, и пока мало находок шлемов, щитов, попон, кинжалов, боевых топоров и кистеней, а наголовья известны только по изображениям. Тем не менее, на сегодняшний день, оружейные источники Алтая III–XIV вв. н.э. весьма представительны и могут быть использованы для всестороннего анализа различных аспектов военного дела.

Историография проблемы. Первая попытка анализа предметов вооружения из средневековых памятников Алтая была предпринята А.А. Гавриловой (1965). Она выделила четыре типа сложносоставных луков, обозначив их конструктивно-хронологические отличия, и отметила сопутствующие им особенности наконечников стрел. Первая реконструкция боевых средств, с территории Алтая была сделана А.П. Уманским (1974) при публикации материалов раскопок из Татарских Могилок. Исследователь подробно описал детали найденного доспеха в виде двух панцирей-нагрудников.

С рубежа 70-80-х гг. XX в. для изучения вооружения Алтая начинает применяться системный подход, связанный со становлением оружейведения, как самостоятельного направления в сибирской археологии (Худяков Ю.С., 1986, 1995). Исследования проводились либо путем анализа отдельных видов боевых средств, либо включали еще и их комплексную характеристику в рамках этнокультурной или историко-региональной принадлежности.

Анализ различных видов паноплии, как правило, предпринимался по мере появления новых материалов, в связи с необходимостью обобщения возросшей источниковой базы и рассмотрением эволюции тех или иных боевых средств. Сложносоставные луки из средневековых памятников Алтая были проанализированы в работах Д.Г. Савинова (1981) и Ю.С. Худякова (1993). Несколько публикаций посвящено классификации и типологии наконечников стрел (Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М., 1987; Елин В.Н., 1988; Илюшин А.М., 1990; Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т., 1991; Соенов В.И., 1995). В отдельных статьях систематизированы материалы по доспеху, мечам и саблям (Худяков Ю.С., Соловьев А.И., 1987; Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1995).

Большой вклад в изучение военного дела Алтая внесли работы или разделы в трудах, где рассматривались оружейные комплексы. В таких исследованиях, помимо традиционного анализа видов боевых средств, давалась сравнительная оценка их места и удельного веса в составе паноплии, которые определялись особенностями военной организации и тактики. Отдельные комплексы вооружения кочевников Алтая с I по XIV вв. н.э. проанализированы в серии

работ Ю.С. Худякова (1981; 1983; 1984; 1986; 1988; 1997). Самостоятельные разделы по характеристике боевых средств племен сросткинской культуры и древних тюрок имеются в диссертациях С.В. Неверова (1988) и Г.В. Кубарева (1997). Вооружению населения Горного Алтая гунно-сарматского времени посвящена диссертация А.В. Эбеля (1998) и работы Ю.В. Тетерина (2004) и В.И. Соенова (2005). Раздел по боевым средствам кочевников северо-западных предгорий Алтая IX–XI вв. присутствует в монографии В.А. Могильникова (2002).

Определенная работа по изучению военного дела проделана автором диссертации. Помимо публикации находок, были проанализированы виды и комплексы вооружения населения Алтая из памятников III–XIV вв. н.э. (Горбунов В.В., 1991; 1992; 1993; 1994; 2002; 2003; 2004; 2005; 2006 и др.). Особое внимание уделено изобразительным источникам по военной тематике (Горбунов В.В., 1998; 2003). Кроме этого, разработаны практические и теоретические вопросы методики оружейведческой реконструкции (Горбунов В.В., 1993; 1996; 2002; 2005).

Оценивая степень изученности вооружения Алтая, необходимо отметить, что за последнюю четверть века активно совершенствуются понятийный аппарат и классификации видов боевых средств, рассматриваются вопросы их эволюции. Хронологические рамки работ охватывают все материально обеспеченные периоды средневековой истории Алтая. Наряду с этим, использование источниковой базы для анализа вооружения, едва ли составляет четвертую часть от ее реального объема, который в значительной степени уже введен в научный оборот. Пока еще очень редко при характеристике оружейных комплексов привлекаются данные иконографии. Недостаточно изучены проблемы происхождения и специализации доспеха и оружия. Слабо раскрыты возможности наборов вооружения, для реконструкции состава войск и военной организации. В настоящее время необходима систематизация всех имеющихся источников по средневековой паноплии Алтая. Построение на этой основе цельной схемы развития вооружения и расширение его интерпретационного потенциала.

Цель и задачи исследования. Цель работы – на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников, реконструировать основные аспекты военного дела средневекового населения Алтая в III–XIV вв. н.э. Для ее достижения поставлены следующие задачи:

1. Осуществить, на основе классификации материала, типологию видов вооружения, выявив динамику их внутренней эволюции, а также хронологические и территориальные границы бытования.

2. Установить, с учетом конструктивных изменений, функциональную специализацию предметов вооружения, влияющую на их морфологическую атрибуцию и боевое назначение.

3. Определить этнокультурные признаки в изготовлении доспехов и оружия и степень взаимовлияния различных военных традиций.

4. Проанализировать комплексы боевых средств, присущие археологическим культурам Алтая и выделить рода войск, которым они соответствовали.

5. Реконструировать военную организацию каждой этнокультурной общности Алтая в рассматриваемую эпоху.

6. Обозначить способы тактического и стратегического применения войск населением Алтая в различные периоды эпохи средневековья.

7. Оценить уровень военного искусства средневековых кочевников Алтая и его роль в развитии военного дела у других народов Евразии.

Объектом исследования выступает военное дело средневекового населения Алтая, которое развивалось под воздействием политических, экономических и этнокультурных факторов.

Предметом исследования являются доспехи и оружие, а также комплексы боевых средств, демонстрирующие различные особенности структурных единиц военного искусства: организации, тактики, стратегии.

Территориальные рамки работы включают две смежные историко-географические области: Горный и Лесостепной Алтай, где расположен основной массив привлекаемых археологических памятников. Под Горным Алтаем понимается территория, окаймленная достаточно замкнутой системой хребтов, образующих несколько провинций: Северный, Северо-Западный, Центральный, Восточный, Юго-Восточный и Южный Алтай (Алтайский край: Атлас, 1978). Помимо этого нами были задействованы доступные материалы: вещественные и изобразительные из Монгольского Алтая. Эта область, примыкающая к Горному Алтаю с юга, во всяком случае, в период становления и существования Тюркских каганатов, составляла с ним единый историко-культурный ареал. Под термином Лесостепной Алтай понимается территория, прилегающая с севера к алтайской горной системе, также делящаяся на несколько провинций. Ее основу составляет широкая долина верхнего течения р. Оби, на левобережье которой находятся: Предалтайская равнина, Приобское плато и Кулундинская равнина, а на правобережье: Предсалаирская равнина и Бийско-Чумышская возвышенность (Алтайский край: Атлас, 1978). Горный и Лесостепной Алтай являлись в прошлом зоной активных контактов для населения сразу трех крупных исторических регионов: Западной Сибири, Центральной и Средней Азии. Поэтому изменения, фиксируемые у населения Алтая в такой динамичной сфере как военное дело, отражают взаимодействие в

более обширном ареале евразийских степей и помогают понять общие закономерности происходивших процессов.

Хронологические рамки исследования охватывают эпоху средневековья с III по XIV вв. н.э. и соответствуют трем историческим периодам: «великого переселения народов» (III–V вв. н.э.), раннего (VI–XI вв. н.э.) и развитого (XII–XIV вв. н.э.) средневековья. Их временные границы близки к принятым в классической европейской периодизации, но определены с учетом относительной хронологии археологических памятников Алтая, синхронизированной с известными историческими событиями центральноазиатского региона (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; 2005). По периоду позднего средневековья (XV–XVII вв. н.э.) археологических данных очень мало, а письменные источники освещают историю Алтая лишь с начала русской колонизации. Поэтому в нашу работу он не включен. Его изучение требует дальнейшего наращивания источниковой базы.

Методология и основные методы исследования. Теоретической основой нашего исследования является системный подход. Его практическое отражение при изучении военного дела представлено в работах А.Н. Кирпичникова, Ю.С. Худякова, М.В. Горелика и др. В рамках системного подхода автором также использовались рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность), диффузионизма (заимствование, перенос и смешение) и исторического материализма (роль производительных сил и социальных отношений).

Исследование военного дела при преобладании археологических источников возможно путем их систематизации и построения схем эволюции видов вооружения. Они позволяют раскрыть закономерности изменений боевых средств, обусловленные развитием производительных сил общества и этнокультурными контактами. Сведение предметов вооружения в комплексы по хронологическому и этнокультурному признакам создает основу для реконструкции состава войск и приемов их использования. Присутствие в комплексе специализированных наборов защиты и нападения отражает определенную иерархию военной организации и формирование соответствующих ей социальных институтов в обществе. Наложение этих сведений на известные события военной истории позволяет судить об уровне развития военного дела.

Методика работы с источниками определялась задачами исследования. На этапе анализа материалов применялись традиционные методы археологического изучения: морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный, датированных аналогий.

На этапе интерпретации материалов использовались методы реконструкции, верификации и корреляции полученных результатов, сравнительно-исторического анализа. Методика реконструкции вооружения и военного дела основывалась на комплексном подходе, заключающемся в сопоставлении всех групп источников.

Источниковая база исследования включает археологические и письменные данные. Используемые археологические источники делятся на две группы:

1. Вещественные материалы, представляющие предметы вооружения из погребальных, поминальных и поселенческих комплексов, а также их случайные находки, обнаруженные на 472 объектах.

2. Изобразительные материалы, демонстрирующие устройство, боевое применение и ношение защитных и наступательных средств: петроглифы, предметы торевтики, каменная скульптура, насчитывающие 41 композицию и 60 изваяний.

Привлекаемые письменные источники взяты из переводов тюркских, китайских, арабских и западноевропейских нарративных памятников, которые содержат сведения о вооружении и военном искусстве средневековых кочевых народов, так или иначе связанных с территорией Алтая.

При разработке темы использовались все доступные данные, введенные в научный оборот специалистами за период изучения средневековых памятников Алтая. Значительную долю составили материалы, полученные автором в ходе самостоятельных полевых исследований 1992-2004 годов, а также в результате работ проводившихся другими археологами при непосредственном участии диссертанта. Часть этих сведений опубликована в монографиях (Горбунов В.В., 2003; 2006; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002) и статьях (Горбунов В.В., 1993; 2000; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2001; Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2005 и др.). Другая часть материалов приведена в научных отчетах. Большое внимание было уделено работе с музейными коллекциями. Автором изучены предметы и изображения вооружения из фондов Алтайского государственного краеведческого музея, Бийского краеведческого музея, Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея, Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии РАН; Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета в количестве 107 коллекций.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первой аналитической работой, обобщившей известные и вновь полученные материалы по военному делу кочевников Алтая за период протяженностью 1200 лет (III–XIV вв. н.э.). Автором разработана единая концепция, основанная на

комплексном анализе всех групп источников и последовательных этапах их изучения: систематизация объектов по конструктивным признакам, рассмотрение их развития, сведение объектов в комплексы по этнокультурной принадлежности и реконструкция на этой основе явлений военного искусства. Упорядочен терминологический аппарат, отражающий морфофункциональные параметры доспехов и оружия. Воссозданы многие формы вооружения, ранее не привлекавшиеся для анализа в силу недостаточной сохранности или стилизации. Классификация всех видов боевых средств и их типологический анализ, позволили определить истоки формирования и пути распространения вооружения, а также уточнить хронологию археологических памятников. Выделение в работе военных традиций: хуннской, сяньбийской, тюркской, «сросткинской» и монгольской, продемонстрировало степень их преемственности и взаимодействия, в результате которых складывались новые и отмирали старые формы боевых средств и навыки их применения. Реконструкция военной организации, приемов тактического и способов стратегического использования войск средневековым населением Алтая, предпринятая в исследовании, показала, что эти явления характерны для более обширных историко-культурных ареалов Евразии. Выводы, полученные на алтайских материалах, отражают многие закономерности в эволюции военного дела кочевых народов эпохи средневековья и помогают понять его региональные отличия и степень интегрирующего воздействия.

Практическая значимость работы. Ряд положений диссертации культурно-исторического характера могут быть использованы в учебном процессе. Они нашли отражение в опубликованных книгах: пособие для учителя, учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений под общим названием «История Алтая. Часть I: Древний Алтай» (Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б., 1997), которые широко востребованы при преподавании регионального компонента в школах и на курсах повышения квалификации учителей. Разработанные в исследовании методики классификации, типологии и реконструкции можно привлекать при подготовке специальных курсов и учебно-методических пособий для студентов высших учебных заведений. Результаты диссертации по воссозданию форм военной организации, состава войск, их тактики и стратегии могут применяться в научных трудах военно-исторического характера. По реконструкциям автора созданы натуральные комплекты вооружения, которые используются в экспозиции Музея археологии и этнографии Алтая и археологическом парке «Перекресток миров» Алтайского государственного университета (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., 2006, с. 45).

Исследование темы диссертационного сочинения неоднократно поддерживалось Российским фондом фундаментальных исследований через реализацию грантов: проект №00-06-80393 «Этнокультурная история Алтая в эпоху средневековья»; проект №02-06-80342 «Комплексное исследование этногенетических процессов на Алтае в период формирования и развития кочевых культур»; проект №03-06-80384 «Снаряжение кочевников как этнокультурный и хронологический показатель при изучении истории Алтая», в которых диссертант являлся основным исполнителем. Кроме того, автором (совместно с А.А. Тишкиным) был выигран конкурс РФФИ (проект №01-06-99509) на публикацию научно-популярной статьи «Средневековые воины Алтая» (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002).

Апробация. Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на научных конференциях, конгрессах, семинарах и сессиях международного, всероссийского и регионального уровня проходивших в ряде городов России: Абакан (1993, 2000), Барнаул (1989, 1994–2005), Горно-Алтайск (1992), Красноярск (1991), Новосибирск (1990, 1997–2004), Санкт-Петербург (1998, 2002), Тобольск (1991), Томск (1992, 2001), Улан-Удэ (2002, 2005). Из них можно выделить следующие форумы с международным участием: «Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе» (Санкт-Петербург, 1998 г.); «Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий» (Барнаул, 1999 г.); «Степи Евразии в древности и средневековье» (Санкт-Петербург, 2002 г.); «Мир Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2002 г.); «Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии» (Барнаул, 2004 г.); «Древние кочевники Центральной Азии: история, культура, наследие» (Улан-Удэ, 2005 г.); «Снаряжение кочевников Евразии» (Барнаул, 2005 г.). Помимо этого, различные аспекты диссертации изложены в более 80 публикациях автора (среди которых четыре монографии) общим объемом свыше 160 п.л.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, первая из которых разделена на два раздела, остальные две имеют по три раздела, заключения, списка источников, библиографического списка, списка сокращений и приложения из шести таблиц и 151 иллюстрации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы, рассмотрены краткая история изучения археологических источников и историография проблемы, определены цели и задачи исследования, его объект и предмет, обозначены территориальные и хронологические рамки, методология и основные мето-

ды исследования, охарактеризованы источниковая база и научная новизна диссертации, практическая значимость, апробация и структура работы.

Глава I. ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Под доспехом понимаются средства индивидуальной защиты воина (его верхового коня или другого боевого животного) от оружия наступательного действия противника.

У населения Алтая первые средства защиты в виде вещественных находок зафиксированы в памятниках раннего железного века. Период, исследуемый в настоящей работе, характеризуется наиболее массовым использованием доспеха, заимствованием, разработкой и распространением передовых технологий, материалов и форм индивидуальной защиты. В археологических памятниках Алтая III–XIV вв. н.э. находки защитных средств зафиксированы на 62 объектах, а их изображения в 41 сюжете.

Доспех составляет первую категорию комплекса вооружения, что определяется его первостепенной значимостью в отношении физической и психологической безопасности человека на войне. По своему назначению он делится на надвиды: воинский и конский, а по размещению и специализации на виды: панцири, шлемы, щиты, попоны, наголовья.

1.1. Воинский доспех

Панцирь предназначался для защиты корпуса бойца и прикрывал, как минимум, его грудь и, как максимум, весь корпус, включая руки и ноги.

В археологических памятниках Алтая рассматриваемого времени обнаружены вещественные остатки от 57 панцирей, а их изображения выделены у 49 воинов. При системном анализе панцирей нашей серии использовались две классификации: одна для панцирных пластин, вторая для самих панцирей. Панцирным пластинам, как деталям, из которых набирается конструкция панциря, присущи самостоятельные закономерности изменения во времени и пространстве, не зависящие от покрова панциря.

Всего учтено 893 экз. пластин от 53 панцирей и 1 попоны. Пластины последней ничем не отличаются от деталей воинского доспеха и поэтому анализируются совместно с ними. Для классификации использовано 791 экз. пластин от 40 панцирей и 1 попоны. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 2 раздела, 11 отделов, 25 типов, дополненных 47 вариантами.

Изучение аналогий показало, что происхождение панцирных пластин III–XIV вв. н.э. на Алтае целиком связано с восточноазиатской военной традицией. Однако в ее основе лежат, как собственные черты выработанные

ные за период III–I тыс. до н.э. (структура набора, системы отверстий, прямоугольные формы пластин), так и заимствованные во 2 пол. I тыс. до н.э. черты западно-азиатской традиции (материал изготовления, овально-прямоугольные, овальные, пятиугольные формы пластин).

Сама восточноазиатская традиция состоит из нескольких взаимосвязанных «этнических» традиций. Среди них можно выделить три наиболее значимых: «китайскую», «хуннскую» и «сяньбийскую». Указанные традиции послужили основой для развития деталей панцирей на Алтае в эпоху средневековья. Однако доля их участия была различна. Китайское влияние носило для Алтая в рассматриваемое время опосредованный характер и могло осуществляться лишь при посредничестве ведущих кочевых этносов Центральной Азии. Поэтому в изготовлении панцирных пластин на Алтае просматриваются две основные линии: хуннская и сяньбийская. Принципиальное отличие между ними заключается в способах крепления пластин. Хунну использовали жесткий, полужесткий и подвижный способы соединения, отверстия для которых располагались по периметру пластин. Сяньби применяли подвижный способ, отличающийся от хуннского конструктивно. Он подразумевал обязательное наличие отверстий (одного или пары) в центре пластин. Для сяньбийской традиции также характерно более широкое использование специальных отверстий для крепления канта. Эти различия и сказались на генезисе панцирных пластин Лесостепного и Горного Алтая, что хорошо просматривается при их сравнении между собой.

В период «великого переселения народов» в алтайской лесостепи распространяются пластины китайской, хуннской и сяньбийской традиций. В Горном Алтае встречаются пластины китайской и сяньбийской традиций. На основании данных наблюдений можно сделать вывод о том, что формирование элементов брони в лесостепной части Алтая происходило на сочетании хуннской и сяньбийской основы, а в горной части – исключительно на сяньбийской основе. Выявленные особенности отражают степень участия этих этносов, прямую или опосредованную, в изменении культурного облика населения Алтая на протяжении III–V вв. н.э.

В период раннего средневековья в Лесостепном Алтае продолжают применяться пластины хуннской и сяньбийской брони. В Горном Алтае в это время по-прежнему преобладают пластины сяньбийской традиции, однако появляются и элементы хуннской брони. Наблюдаемые изменения свидетельствуют о тесных взаимных контактах населения лесостепной и горной части Алтая. По периоду развитого средневековья сведения пока малочисленны. Панцирные пластины обнаружены только в Лесо-

степном Алтае, и они равномерно представлены хуннской и сяньбийской традициями.

Информация, которую дает типологический анализ панцирных пластин, может быть существенно дополнена рассмотрением развития панцирей как цельной конструкции. Для их системного описания, ввиду редкости полных вещественных находок, привлечены изобразительные материалы, степень подробности которых, позволяет судить об общем устройстве основных частей этого вида защиты.

В классификацию панцирей включено 37 изображений и 10 вещественных находок. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 1 раздел, 2 подраздела, 4 отдела, 10 типов, дополненных 18 вариантами.

Изучение покроя панцирей показало, что все они появляются на территории Алтая в период «великого переселения народов». Их развитие в большей степени связано с восточноазиатской военной традицией и базируется на двух ее линиях: хуннской и сяньбийской. С первой можно соотнести панцири-«нагрудники» и панцири-«халаты», а со второй – панцири-«кирасы». В меньшей степени сказалось влияние западной военной традиции. Оно шло через Среднюю Азию и выразилось в заимствовании кольчужных панцирей-«рубях». Помимо этого Алтай входит в регион, где в III–V вв. н.э. формируются панцири-«катафрагты». Данный покров в раннем средневековье можно определенно связывать с тюркской военной традицией. Сравнение панцирей Лесостепного и Горного Алтая показывает, примерно одинаковый их уровень. Так основные покрои: «кираса», «катафрагта», «халат», «рубяха» известны на обеих территориях, но горно-алтайские панцири типологически разнообразнее лесостепных. Не исключено, что данное различие связано с состоянием изобразительных источников, которых по Горному Алтаю в несколько раз больше.

Шлем предназначался для защиты головы воина и прикрывал, как минимум, ее лобно-затылочную часть и, как максимум, всю голову. Для последней цели, чаще всего, служила бармица – лист металла или кожи оборачиваемый вокруг шлема и прикрепляемый к нему, через отверстия в тулье или обруче.

В археологических памятниках Алтая III–XIV вв. н.э. остатки шлемов и целые экземпляры обнаружены в пяти пунктах, а их изображения выделены у 54 воинов. В классификации шлемов использовано 51 изображение, 2 целых и 3 реконструируемых находки. В результате системати-

зации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 2 раздела, 4 отдела, 12 типов, дополненных 16 вариантами.

Развитие шлемов на Алтае в эпоху средневековья происходило в русле восточноазиатской военной традиции, вобравшей в себя опыт изготовления данного вида защиты на Ближнем и Среднем Востоке в III–I тыс. до н.э. Основой послужили две ее линии: хуннская и сяньбийская. С первой можно связать появление ламеллярных сферических и конических шлемов, со второй – узкопластинчатые шлемы яйцевидной и сфероконической формы на ремennom креплении, а также клепаные узкопластинчатые и секторные экземпляры сферической и яйцевидной формы. Все эти типы распространяются на Алтае в период «великого переселения народов» и продолжают применяться в раннем средневековье в защитной паноплии тюрок. Их дальнейшим развитием являются шлемы клепаной конструкции, сферической, конической и сфероконической формы, характерные для тюркской военной традиции. Часть из них сохраняется и в период развитого средневековья, становясь основными образцами боевых наголовий евразийских кочевников. В это время на Алтае известны также шлемы с деталями оформления, присущими только монгольской военной традиции. Говоря о сравнительном анализе шлемов Горного и Лесостепного Алтая, можно отметить большее типовое разнообразие первых. Возможно, это также связано с числом изобразительных памятников, открытых в Горном Алтае.

Щит предназначался для общей защиты воина и, в зависимости от своих размеров и веса, мог быть стационарным или ручным. В последнем случае с внутренней стороны щита предусматривались крепежные детали для удержания в руке, а также ремни для его ношения за спиной.

Данные о щитах с территории Алтая представлены одной вещественной находкой и девятью изображениями. Ввиду малочисленности материала, его нельзя подвергнуть всестороннему системному анализу. Однако рассмотрение аналогий позволяет реконструировать эти средства защиты и выделить некоторые особенности их применения.

Появление круглых щитов с металлическим кантом в Лесостепном Алтае связано с влиянием среднеазиатской военной традиции. Ее истоки уходят в кенкольскую культуру Семиречья, одним из этнических компонентов которой были северные хунны. Простые деревянные щиты аналогичной формы известны у тюрок Тувы, но, в целом, они не характерны для тюркского комплекса вооружения. Отсутствие изображений щитов на многочисленных рисунках Горного Алтая тюркского времени подтверждает это. Изучение изобразительных источников показывает, что

применение щитов в средневековых кочевых армиях являлось особенностью средневооруженной конницы. Таковы согдийские и восточно-туркестанские всадники, часть монгольских и восточноевропейских конников. Видимо только в развитом средневековье щиты стали более широко использоваться легкой конницей. Щит служил в основном для отражения стрел противника при сближении с ним. Гораздо реже щиты использовались для парирования копейного таранного удара и несколько чаще в ближнем бою. В этих случаях применялись образцы усиленной конструкции с металлическим кантом, умбонами или целиком железные. Тяжеловооруженные всадники обходились, как правило, без данного вида защиты.

Подводя итоги исследованию воинского доспеха с территории Алтая эпохи средневековья, нужно отметить следующие. Сочетание его видов в одном наборе, особенно хорошо представленное изображениями, показывает, что полный комплект защиты включал в себя только шлем и панцирь. Шлемы на рисунках встречаются как вместе с «твердыми», так и с «мягкими» панцирями, а, следовательно, применялись не только тяжелыми и средними, но и легковооруженными воинами. Изображения щитов первоначально встречается в наборе «твердого» доспеха средней конницы, и лишь с монгольского времени наблюдается их использование легкими подразделениями войск.

1.2. Конский доспех

Количество вещественных находок защитных средств верхового коня составляет самую малочисленную группу среди предметов оборонительного вооружения. Это объясняется большой материалоемкостью его изготовления и значительно меньшей степенью применения по сравнению с воинским доспехом. Средства защиты боевого коня могли себе позволить (особенно полный комплект) далеко не все, даже состоятельные всадники. Поэтому экипировка крупных контингентов бронированной конницы была делом не частным, а скорее государственным. Причем помимо серьезных экономических ресурсов, необходимы были специальные породы лошадей с повышенной грузоподъемностью и хорошей выучки. Наилучшим образом этим требованиям отвечали государственные объединения, сочетающие оседло-земледельческое население, с развитым ремесленным производством, и кочевое население, с присущими ему традициями коневодства и искусства конновождения. Как правило, власть в них принадлежала аристократии, вышедшей из кочевой среды. Наиболее удачными примерами в этом отношении являются Парфия, Сасанидский Иран, Империи Вэй и Ляо, держава Тимура, Мамлюкский

султанат, раннеосманское государство. Однако, массовое применение конского доспеха известно и в «чисто» кочевых объединениях, при наличии на их территории разработанной сырьевой базы и развитой черной металлургии. Среди этносов, максимально реализовавших эти возможности, следует назвать тюрков и монголов. Не случайно легенды этих двух народов характеризуют своих предков, как мастеров железного дела (Горелик М.В., 1987).

В силу вышеназванных причин, целый конский доспех мог попасть в погребение в исключительном случае. Для эпохи, рассматриваемой в нашей работе, опорными вещественными комплексами являются материалы сяньбийских, корейских и японских памятников периода «великого переселения народов», в которых наблюдается устойчивая традиция помещения в погребения деталей конского доспеха. В Центральной Азии зафиксирована всего одна достоверная находка средства защиты коня – это целый накручник из тюркского захоронения в Туве (Овчинникова Б.Б., 1990). На территории Алтая к фрагменту конской попоны, с определенной долей вероятности, можно отнести находку длинной железной полосы из 36 пластин в тюркском кенотафе (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002).

Гораздо более представительны изобразительные источники. Их основная масса сосредоточена в Северном Китае и Корее и отличается большой степенью подробности. Тоже можно сказать о рисунках киданьского, чжурчжэньского, сунского и монгольского конского доспеха. К настоящему времени немалая серия рисунков бронированных коней получена с территории Центральной Азии. Средневековые летописи и литературные произведения составляют еще один важный блок источников. Для нашей темы первостепенное значение имеют письменные свидетельства, касающиеся средств защиты коня у средневековых кочевников Евразии. Интересную информацию содержат китайские, западноевропейские, византийские и арабские источники, сообщающие о сяньбийском, жужаньском, аварском, тюркском и монгольском конском доспехе.

Конская защитная *попона* представляет собой бронированное покрытие тела коня, которое, как минимум, закрывает его шею и, как максимум, весь корпус, кроме ног ниже колен.

Судить о конструкции попоны можно только по рисункам Горного и Монгольского Алтая. Ее изображения зафиксированы на 27 фигурах боевых коней и реконструированы на основании изучения аналогий. В классификации использовано 23 изображения конских защитных попон. В

результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 1 раздел, 1 подраздел, 3 отдела и 7 типов и 2 варианта.

Говоря о развитии алтайской защитной попоны, надо отметить, что ее возникновение связано с территорией Северного Китая, где носителями данного доспеха являлись, прежде всего, сяньби. От них конскую попоны переняли жужане, которые и занесли ее первые образцы в Горный Алтай не ранее середины IV в. н.э. Дальнейшая эволюция защитных попон связана с тюрками, наладившими их собственное изготовление. Наряду с известными, они изобрели ряд новых покровов попоны, рассчитанных на более массовое производство. Многие типы тюркской попоны и ее отдельные элементы унаследовали кидани и сменившие их в Центральной Азии монголы.

Наголовье предназначено для защиты головы коня и прикрывает, как минимум, ее лобную часть, и, как максимум, всю голову.

Наголовья зафиксированы на рисунках Горного и Монгольского Алтая. Их изображения подразумеваются на 15 фигурах боевых коней и реконструированы на основании изучения аналогий. В классификации наголовий использовано 11 изображений. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 2 раздела, 3 отдела и 5 типов.

Характеризуя развитие наголовий для защиты боевого коня, необходимо отметить, что они появляются на территории Алтая в конце периода «великого переселения народов». Их происхождение связано с сяньбийской военной традицией. Наибольшее соответствие с сяньбийскими образцами наблюдается у полных трехчастных масок. Их дальнейшим развитием являются наголовья, сочетающие в своей конструкции укороченный налобник и сяньбийские нащечники. Первая деталь данного типа восходит еще к хуннским наголовьям, сформировавшимся под влиянием скифо-персидской военной традиции. От них берут свое начало полные налобники, характерные для конского доспеха средневекового Китая и монголов. Остальные типы также происходят от защитных наголовий облегченной конструкции, применявшихся населением Северного Китая в сяньбийскую эпоху, но их конкретная форма и структура приобретают уже самостоятельные черты. В Горном Алтае первые изображения наголовий датируются не ранее середины V в. н.э. и фиксируются в памятниках тюркской культуры. Все они продолжали применяться в раннем средневековье, и были характерны именно для тюркской военной традиции, повлиявшей на введение таких элементов доспеха у аваров, персов, византийцев и киданей.

Подводя итоги изучения конского доспеха на Алтае, следует обратить внимание на взаимовстречаемость его видов в одном наборе. Она показывает, что около половины коней защищенных попоной, наголовья не имеют. Эта черта отличает вооружение центральноазиатских кочевников, применявших наряду с полным конским доспехом его облегченный вариант. Она была обусловлена потребностями массового производства тяжелого вооружения в условиях скотоводческого хозяйства. Наличие конского доспеха у горно-алтайского населения, безусловно, свидетельствует о существовании тяжеловооруженной кавалерии и подчеркивает разницу с паноплией алтайской лесостепи.

Глава II. НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Под наступательным вооружением (оружием) понимаются средства индивидуального применения, предназначенные для поражения противника. Оружие имеет решающее значение при достижении победы на поле боя.

Первые находки специального оружия на территории Алтая относятся к эпохе энеолита. В бронзовом веке боевой арсенал местного населения существенно увеличивается, а в раннем железном веке происходит его видовой рост и технологическое изменение. Эпоха средневековья характеризуется дальнейшим развитием индивидуальных средств поражения у населения Алтая, изобретением и заимствованием новых форм оружия, его небывалым типологическим разнообразием и распространением на обширные территории Евразии. Всего для изучения наступательного вооружения средневекового населения Алтая собраны сведения о вещественных находках оружия из 444 объектов.

Оружие относится ко второй категории комплекса вооружения. Это обусловлено не его меньшей значимостью, а более поздним, в сравнении с доспехом, обособлением от орудий охоты. По дистанции поражения средства нападения разделяются на надвиды: оружие дальнего боя, таранного удара, ближнего боя, а по конструкции и характеру поражающего действия на виды: луки, стрелы, копья, мечи, сабли, боевые ножи, кинжалы, боевые топоры, кистени.

2.1. Оружие дальнего боя

Лук – это метательная конструкция, предназначенная для ведения прицельной (оптической и неоптической) стрельбы специальными снарядами – стрелами. Сложносоставной лук включает довольно много отдельных частей, основными среди которых являются детали кибити и

накладки. В археологических памятниках Алтая рассматриваемого времени обнаружены вещественные остатки от 140 луков.

При системном анализе луков нашей серии использовались две классификации: одна для накладок на лук, вторая для самих луков. Накладки лука являлись деталями, придающими жесткость определенным участкам деревянной основы метательной конструкции. Их общие параметры были связаны с размерами кибити, а нюансы отделки могли иметь самостоятельное этнокультурное и хронологическое значение.

Всего учтено 406 накладок от 134 луков. В классификации использовано 343 накладаки от 108 луков. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 2 разряда, 4 раздела, 2 отдела и 27 типов, дополненных 43 вариантами.

Типологический анализ накладок лука позволяет обозначить их общие и более конкретные этнокультурные особенности. Так появление на Алтае первых накладок связано с влиянием хуннской военной традиции. Причем некоторые типы непосредственно копируют хуннские образцы, а другие являются их дальнейшим развитием, в рамках южно-сибирского и, отчасти, среднеазиатского регионов. Выделяются накладаки первоначально характерные для луков булан-кобинской культуры. В раннем средневековье на территории Горного Алтая появляются накладаки демонстрирующее сложение тюркской традиции. Ее основу составляют различные элементы хуннских, сяньбийских и булан-кобинских накладок, комбинация которых привела к возникновению новой линии в развитии этих деталей луков. Начиная с середины VIII в. н.э. в Лесостепном Алтае на основе тюркской традиции формируются накладаки характерные для луков сросткинской культуры. Наконец в период развитого средневековья на Алтае появляются накладаки отражающие влияние новой – монгольской традиции в изготовлении данных деталей луков. Эта традиция вобрала в себя целый ряд хуннских и тюркских черт и, видимо, начала складываться в IX – X вв. н.э. у кочевников Западного Забайкалья.

Информация, которую дает типологический анализ накладок лука, может быть дополнена рассмотрением развития луков как цельной конструкции. Ввиду крайней редкости вещественных находок целых луков, для их систематизации привлекались в большей степени комплекты накладок. Форма и размеры кибити реконструировались исходя из положения таких не потревоженных комплектов в погребальных комплексах. Для определения формы луков привлекались также данные изобразительных источников, а об устройстве кибити мы судили по ее вещественным остаткам.

В классификации использовано 117 луков, представленных наборами накладок. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 3 раздела, 7 отделов и 12 типов, дополненных 17 вариантами.

Эволюция сложносоставных луков на Алтае в рассматриваемый период целиком связана с центральноазиатским регионом. В период «великого переселения народов» воины Алтая продолжали использовать луки хуннской традиции которые, несмотря на различия в оформлении накладок, сохраняли исходные параметры и конструктивные элементы. Большие размеры этих сложносоставных луков и наличие трех зон жесткости (рога и рукоять), делали их дальнебойными и удобными для ведения прицельной стрельбы. На рубеже «великого переселения народов» и раннего средневековья, на территории Горного Алтая появляется целая серия луков новых типов, которая ознаменовала собой становление тюркской традиции. Уменьшение размеров луков несколько сократило эффективную дистанцию выстрела, что могло быть обусловлено более массовым распространением доспеха. Однако потребность в прицельном ведении боя, на достаточном от противника расстоянии, безусловно, сохранялась, для чего и продолжали использовать луки с тремя зонами жесткости. Экземпляры с зоной жесткости только на рукояти предназначались для стрельбы по противнику с максимально близкой дистанции, когда было необходимо за меньшее время выпустить больше стрел (Худяков Ю.С., 1993). В конце эпохи раннего и начале развитого средневековья новые типы луков активно разрабатываются и осваиваются населением сродстинской культуры Лесостепного Алтая. Основным арсеналом сродстинских воинов составляли луки отличающиеся от исходных тюркских, только оформлением накладок. Появление у сродстинского населения некоторых типов луков, возможно, связано с влиянием кочевников Забайкалья и становлением монгольской традиции. Однако накладки этих луков, явно имеют местные черты. Период развитого средневековья ознаменовался для Алтая уже полным господством луков монгольской традиции. По-прежнему сохраняется специализация луков по зонам жесткости, с ориентацией на прицельную и настильную стрельбу. В качестве общей тенденции можно отметить небольшое увеличение размеров луков, за счет удлинения рукояти.

Стрела – это метательный снаряд колющего действия, предназначенный для поражения цели на дальней дистанции. Состоит из двух основных отдельных частей: поражающей – наконечник и несущей – древко.

В средневековых памятниках Алтая вещественные остатки стрел найдены на 361 объекте. Всего учтено 1862 наконечника стрел. В классифи-

кации использовано 1334 наконечника стрелы. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 9 разделов, 4 отдела, 62 типа дополненных 120 вариантами.

Эволюция наконечников стрел у населения Алтая в III–XIV вв. н.э. проходила в тесном взаимодействии с развитием конструкции сложносоставных луков и была направлена на повышение эффективности дистанционного боя, путем отбора оптимальных форм для поражения живой силы противника и преодоления усиливающихся средств защиты. В период «великого переселения народов» воины Алтая применяли наконечники стрел, самыми многочисленными из которых были трехлопастные изделия, хорошо приспособленные для прицельной стрельбы на дальнюю дистанцию из больших луков «хуннских» типов. Небольшую серию составляли однолопастные наконечники, использовавшиеся при ведении частого огня. Для пробивания доспехов служили разные типы трехгранно-трехлопастных, граненых и круглых наконечников. Преобладающими формами пера являлись: ярусные, треугольная и ромбические. В эту эпоху типологически более развитым выглядит стрелковый набор буланкобинской культуры Горного Алтая, который оказал явное влияние на формирование набора одинцовской культуры Лесостепного Алтая. Большая часть наконечников стрел демонстрирует связь с хуннской и сяньбийской традициями, инновации которых были переработаны на южно-сибирской основе. Среди броневой формы наблюдается сильное влияние среднеазиатского региона, осуществлявшееся, скорее всего, через население кенкольской культуры. Появляются в это время и новые типы наконечников: трехлопастные пятиугольные и килевидные, трехгранно-трехлопастные ярусные – все в Горном Алтае.

Период раннего средневековья знаменуется для населения Алтая существенными изменениями в оружии дальнего боя. Появление средних и коротких луков «тюркских» типов сократило дистанцию стрельбы, что не могло не отразиться на развитии стрел, которое можно разделить на две основных стадии. На первой стадии (2-я пол. V – 1-я пол. IX вв. н.э.) продолжают господствовать трехлопастные изделия, но их размеры, в среднем, становятся крупнее, что неизбежно увеличивало общий вес стрелы и уменьшало дальность ее полета. Очевидно, самые большие трехлопастные наконечники стрел применялись для скоротечной стрельбы, что объясняет столь незначительное присутствие в данное время двухлопастных и однолопастных экземпляров. Набор броневой формы стрел крайне беден в начале периода и существенно вырастает к его окончанию. По сечениям пера он сохраняет прежний уровень. Преобладающими формами нако-

нечников становятся: шестиугольная, пятиугольная и килевидная, сохраняет свое значение треугольная. На данной стадии ведущим является стрелковый набор тюркской культуры. Именно тюрки делают акцент на изготовлении крупных трехлопастных наконечников, изобретая их новые формы, рассчитанные на поражение большой площади. Из буланкобинского наследия отбираются многие перспективные образцы, но ярусные экземпляры почти сразу выходят из употребления, а доля ромбических несколько сокращается. Одинцовский стрелковый набор сохраняет ряд прежних типов, на которых сказывается тюркское влияние через укрупнение размеров. В конце стадии формируется сrostкинский стрелковый набор, сочетающий тюркские и отдельные одинцовские черты. В целом первая стадия демонстрирует становление и господство тюркской традиции в изготовлении наконечников стрел.

На второй стадии (2-я пол. IX – XI вв. н.э.) воины Алтая применяют почти исключительно короткие луки «сrostкинских» типов без концевых накладок. Это свидетельствует о том, что основная ставка в дистанционном бою делалась на скоротечный обстрел при сближении с противником. Среди наконечников стрел отчетливо наблюдается количественный и типологический рост броневойных экземпляров, которые обгоняют трехлопастные. Однолопастные наконечники постепенно восстанавливают свои позиции. У броневойных наконечников преобладают экземпляры с пером четырехгранного сечения. Основными формами наконечников являются: треугольная, ромбические, листовидная и килевидная. Число пяти и шестиугольных падает, ярусные и срезневые формы редки. В данное время наиболее развитым выглядит стрелковый набор сrostкинской культуры Лесостепного Алтая, в котором представлен наиболее полный спектр стрел. Именно его отличает доминирование броневойных наконечников. Тюркский стрелковый набор сохраняет в основном свои прежние типы, но становится, менее разнообразен. Присутствие в нем новых образцов можно связывать со сrostкинским или кыргызским влиянием. В начале стадии появляется стрелковый набор кыргызской культуры. Для него характерно наличие большого числа трехлопастных наконечников мелких пропорций, по отделке пера приближающихся к трехгранно-трехлопастным. В общем, вторая стадия показывает существование на Алтае трех традиций в изготовлении стрел: сrostкинской, кыргызской и тюркской, первая из которых была ведущей.

В период развитого средневековья в оружии дальнего боя у населения Алтая происходят новые весьма значительные изменения. Они проявились в распространении более мощных луков «монгольских» типов. С

одной стороны это могло повысить дистанцию стрельбы, но, скорее всего, было вызвано потребностью в ведении огня снарядами с крупными широкими наконечниками. Такие изделия с однолопастным пером становятся самыми массовыми и наиболее разнообразными. Известен один тип двухлопастных наконечников. В начале эпохи на Алтае еще наблюдается применение значительной серии бронебойных стрел, однако уже с XIII века их спектр уменьшается, хотя и появляются образцы с новым шести и восьмигранным сечением пера. Трехлопастные изделия, представленные в XII в. н.э. шестью типами, в дальнейшем почти исчезают, встречаясь одиночными экземплярами. Основными формами наконечников в это время являются: ромбические и срезневые, возрастает доля ярусных и вильчатых. В начале периода еще достаточно представителен стрелковый набор сrostкинской культуры. Его состав постепенно меняется в сторону увеличения доли однолопастных наконечников, среди которых появляются типы, характерные для монголоязычных племен. Стрелковый набор кармацкой культуры, сменившей в Лесостепном Алтае сrostкинскую, уже полностью состоит из стрел монгольского облика. У населения Горного Алтая стрелковый набор начала периода сочетает в себе прежние (тюрко-кыргызские) и привнесенные (монгольские) черты, а в дальнейшем неотличим от собственно монгольского. Таким образом, в развитом средневековье на Алтае возобладала монгольская традиция в изготовлении стрел.

2.2. Оружие таранного удара

Копье – это оружие колющего действия, предназначенное для нанесения таранного удара на средней дистанции. Состоит из двух основных отдельных частей: поражающей – наконечник и несущей – древко.

На Алтае вещественные остатки копий, относимые к рассматриваемому периоду, найдены на 45 объектах. Всего учтено 46 наконечников копий. В классификации использовано 36 наконечников копий. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 3 раздела, 8 отделов и 13 типов, дополненных 16 вариантами.

Эволюция наконечников копий у населения Алтая в III–XIV вв. н.э. шла по линии сокращения длины втулки и перехода от линзовидного пера к граненым, обладающим лучшими проникающими свойствами. С точки зрения функциональной специализации среди них можно выделить пики и рогатины. Первые отличаются узким компактным пером, рассчитанным на глубокое проникновение. Разновидностью бронебойных пик являются экземпляры с ромбовидным и треугольным сечением и килевидной формой пера, которые имели наибольшие пробивающие качества.

Линзовидное и прямоугольное сечение, а также вытянуто-ромбическая и шестиугольная формы, как представляется, были менее эффективны. Вероятно, изделия с этими признаками, следует относить к разновидности «легких» пик, которые ориентировались на борьбу с «мягкодоспешным» противником. Не совсем ясно придание перу наконечника четырехлопастного, четырехгранно-четырёхлопастного и трехгранно-трехлопастного сечения, так как это дополнительно не усиливало бронебойные свойства пики. Возможность применения данных образцов в качестве метательных копий, кажется нам маловероятной, учитывая их остальные параметры. Остается предположить, что наличие выемок в теле пера связано с функцией кровотоков. Рогатины имеют широкое массивное перо, способное наносить значительные по площади повреждения. Экземпляры с уплощенно-ромбовидным сечением, вытянуто-ромбической и треугольной формой для этого оптимальны. Те и другие копьё могли использоваться в конном бою для нанесения таранного удара. Однако для пик это была узкоспециализированная функция, тогда как рогатины являлись более универсальным оружием. Они могли успешно применяться в пеших порядках, а также служили орудиями охоты.

В период «великого переселения народов» на Алтае фиксируется использование пик обеих разновидностей: «легких» – с длинной втулкой и линзовидным вытянуто-ромбическим пером и бронебойных – равновеликих с ромбовидным килевидным пером. Сложение изделий первого типа происходит на территории Горного Алтая. Такие их признаки как длинная втулка и линзовидное сечение пера, восходят к одной из линий развития данного оружия в сарматской традиции. Похожее копьё применяло население каменной культуры Лесостепного Алтая последних веков до н.э., от которого они могли попасть в Горный Алтай. Вытянуто-ромбическая форма пера появляется из сянбийской традиции, чье влияние на племена булан-кобинской культуры становится ощутимо со II в. н.э. От булан-кобинцев ее наследует население одинцовской культуры и тюрки. Пики второй разновидности целиком заимствуются горно-алтайскими племенами у сянби, не ранее середины IV в. н.э., и знаменуют собой новое для Алтая направление в эволюции копий, направленное на борьбу с тяжеловооруженным противником.

В период раннего средневековья воины Алтая используют самый разнообразный набор копий. У населения тюркской культуры наблюдается применение трех типов. «Легкие» пики, несмотря на появление новой шестиугольной формы пера, видимо, достаточно быстро выходят из употребления. Бронебойные экземпляры, наоборот, используются дли-

тельное время и составляют основу оружия таранного удара. Весьма представительна серия копий сrostкинской культуры, насчитывающая девять типов. На ее раннем этапе развития встречаются длинновтульчатые «легкие» и бронебойные пики. С середины IX в. н.э. в Лесостепном Алтае преобладание получают равновеликие наконечники копий и появляются первые коротковтульчатые образцы. С этого же времени у сrostкинского населения начинают распространяться копья новой разновидности – рогатины. Их происхождение для территории Алтая может быть связано с восточной частью Центральной Азии, где наконечники копий с широким пером применялись от сянбийского до позднемонгольского времени. Таким образом, в эволюции сrostкинского набора копий наблюдается достаточно четкая дифференциация на узкоспециализированные и универсальные типы таранного оружия, с преобладающим значением бронебойных средств.

В начале периода развитого средневековья на Алтае завершается развитие сrostкинской культуры с присущими ей особенностями вооружения. Набор копий следующей кармацкой культуры Лесостепного Алтая имеет свои отличительные черты. Наследием предыдущего периода является применение рогатин, а пики представлены новыми «легкими» образцами, происхождение которых можно связывать с киданьской и монгольской традициями. Среди вооружения культуры Горного Алтая известен один бронебойный наконечник пики, также имеющий киданьские и монгольские черты. В целом воины Алтая развитого средневековья продолжали применять все разновидности копий известных ранее, но преобладание среди них получили пики ориентированные на борьбу с легковооруженным противником.

2.3. Оружие ближнего боя

Меч – это достаточно длинное оружие рубяще-колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Состоит из основной монолитной конструкции, в которой выделяется поражающая часть – клинок и несущая часть – черен. Важными дополнениями в конструкции меча являются такие, чаще всего, отдельные части как перекрестие и детали рукояти.

Сабля – это достаточно длинное оружие рубяще-режущего и колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Ее основные конструктивные элементы совпадают с мечом, а главное отличие состоит в изогнутом клинке.

На Алтае вещественные остатки мечей и сабель, относящиеся к рассматриваемому периоду, обнаружены на 103 объектах. Всего учтено 93

меча и 17 сабель. Системный анализ мечей и сабель проводился в рамках отдельных классификаций.

В первой классификации использовано 62 меча. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 3 разряда, 4 раздела, 2 отдела и 17 типов, дополненных 31 вариантом. В классификации сабель использовано 12 экз. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 2 разряда, 3 раздела, 2 отдела и 7 типов, дополненных 7 вариантами.

Эволюция мечей и сабель у средневекового населения Алтая была направлена на создание конструкций оптимальных для использования в кавалерийском бою. Отсюда вытекали основные требования к такому оружию: не слишком тяжелый вес, достаточная длина и акцент на рубящий и режущий удар. Колющая функция при всей своей важности, для конного воина оставалась дополнительной. В период «великого переселения народов» на Алтае сформировался достаточно развитый набор длинно-клинкового оружия ближнего боя. Он состоял из двухлезвийных и однолезвийных мечей. Среди них встречаются как более длинные от 80 до 90 см, так и средние от 60 до 80 см клинки. Мечи с одним лезвием по разнообразию и количеству преобладают над обоюдоострыми изделиями. Все изделия данного периода имели прямую рукоять. В это же время наблюдается появление первых перекрестий. Они имели небольшие размеры и прямоугольную и прямоугольно-шаровидную форму. Набор мечей булан-кобинской культуры Горного Алтая выглядит весьма представительно. В нем очень отчетливо проявляется влияние хунно-саньбийской традиции, хотя присутствуют и отдельные черты сармато-кушанского воздействия. Можно говорить о выработке у булан-кобинцев и новых признаков оружия, таких как вогнуто-острое окончание клинка и крепление обкладки рукояти двумя штифтами. Набор мечей одицовской культуры Лесостепного Алтая мало уступает горно-алтайскому комплексу в разнообразии и даже превосходит числом. Его своеобразие выражается в более сильном влиянии сармато-кушанской традиции, что очевидно связано с продвижением кенкольского населения в алтайскую лесостепь.

В раннем средневековье на территории Алтая происходит дальнейшее наиболее интенсивное развитие длинно-клинкового оружия ближнего боя. Помимо мечей с двумя и одним лезвиями, появляются сабли, видимо, с середины VII в. н.э. и однолезвийно-двухлезвийные мечи, с середины IX в. н.э. Преобладают средние клинки длиной 60-80 см и, лишь немногие экземпляры приближаются к 90 см. Мечи с одним лезвием составляют самую разнообразную и многочисленную серию. За ними следуют полуторалезвийные мечи, сабли и обоюдоострые мечи. В начале

этого периода среди мечей встречаются изделия только с прямой рукоятью. Ближе к рубежу VII/VIII вв. н.э. появляются, а с середины X в. н.э. начинают господствовать экземпляры с наклонной рукоятью. В данную эпоху происходит интенсивное развитие перекрестий, которыми снабжается все большее число мечей и сабель. Возрастает длина перекрестий, и внедряются их новые формы. Клинковый набор тюркской культуры достаточно разнообразен, но пока представлен небольшим числом находок. Среди тюркских мечей присутствуют, как экземпляры восходящие к булан-кобинскому оружию, так и более передовые изделия. Особенно совершенно выглядят тюркские сабли. В тюркском наборе фиксируется появление обоюдоострого сабельного клинка и обоймы на его основании, ромбовидно-шестиугольного перекрестия. Имеется всего одна находка кыргызского меча, которая, демонстрирует вполне развитую конструкцию. Самым представительным по типовому разнообразию и числу находок (76 экз.) является клинковый набор сросткинской культуры. В его формировании прослеживаются многие тюркские и некоторые единичные черты. В сросткинском комплексе вырабатывается целый ряд новых признаков мечей: крестовидное и фигурно-треугольное перекрестия, штырьковое крепление обкладки рукояти, колпачковые навершия и бляхи для пальцев руки. Можно говорить, что в этот период на Алтае существовали две традиции в изготовлении мечей и сабель: тюркская и сросткинская.

Период развитого средневековья ознаменован для Алтая установлением господства сабли. Если в начале этого периода у населения сросткинской культуры еще встречаются однолезвийные мечи, то для XIII–XIV вв. н.э. известны только сабли. Они представлены двумя разновидностями, из которых сильноизогнутые изделия известны и в Горном и в Лесостепном Алтае, а слабоизогнутый образец, найден в лесостепи. Все найденные экземпляры имеют средние параметры с длиной клинка 62–76 см. Новыми конструктивными элементами сабель являются елмань, доли на клинке, перекрестие в виде гарды, обойма на рукояти. Все они связаны с монгольской традицией, вобравшей в себя дальневосточное и китайское наследие.

Боевой нож – это относительно короткое однолезвийное оружие режущего действия, предназначенное для ведения ближнего (рукопашного) боя. Состоит из монолитной конструкции, включающей поражающую часть – клинок и несущую часть – черен. Дополнительными деталями ножа являются навершие, перекрестие или упор в месте перехода клинка

в черен. Однако, чаще всего, конструкция ножа ограничивалась только плечиками (пятами).

К боевым ножам принято относить экземпляры с длиной клинка не короче 13 см и толщиной спинки не менее 0,3 см (Горелик М.В., 2003). Этим стандартам мы старались придерживаться при учете материалов из средневековых памятников Алтая. Всего выделено 59 боевых ножей, которые, обнаружены на 51 объекте. В классификации использовано 53 боевых ножа. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 2 разряда, 3 раздела, 2 отдела и 6 типов, дополненных 8 вариантами.

Кинжал – это относительно короткое двухлезвийное оружие колюще-го действия, предназначенное для ведения ближнего (рукопашного) боя. Состоит из монолитной конструкции, включающей поражающую часть – клинок и несущую часть – черен. К дополнительным деталям кинжала относятся перекрестие, навершие и обоймы для обкладки рукояти, но многие изделия имеют только плечики.

В средневековых памятниках Алтая вещественные остатки кинжалов обнаружены на 16 объектах. В классификации использовано 13 кинжалов. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 2 разряда, 2 раздела, 1 отдел и 4 типа, дополненных 6 вариантами.

Эволюция боевых ножей и кинжалов у средневекового населения Алтая берет свое начало в предыдущем хунно-сяньбийском времени, когда населением булан-кобинской культуры были освоены основные формы этих видов оружия. В период «великого переселения народов» наблюдается наибольшее типологическое разнообразие вспомогательных средств ближнего боя, которые к тому же достаточно часто помещались в погребальные комплексы. Ведущим являлся булан-кобинский набор вооружения, включавший три разновидности боевых ножей и две кинжалов. Особое внимание в нем придавалось усилению режущих и колющих свойств у ножей. Набор вооружения одинцовской культуры представлен двумя разновидностями боевых ножей и одной кинжалов. Его ножи почти копируют горно-алтайские аналоги, а кинжал является наследием среднеазиатской (кенкольской) традиции.

В раннем средневековье вспомогательное оружие ближнего боя применялось в Горном Алтае населением тюркской и кыргызской культур, в Лесостепном Алтае населением сrostкинской культуры. Тюркский набор включал две разновидности боевых ножей и две кинжалов. В его развитии прослеживается дальнейшая тенденция к усилению проникающих качеств оружия. Это выразилось в появлении новых форм сечения клинка у ножей и его абриса у кинжалов. Кыргызский набор вооружения вклю-

чал по одной разновидности боевых ножей и кинжалов. Для конструкции первых отмечается появление нового признака усиливающего колющую функцию – елмани. Набор оружия ближнего боя сросткинской культуры представлен двумя разновидностями ножей и кинжалов, которые в своем изготовлении следуют в русле тюркской и предшествующей ей буланкобинской традиций. В период развитого средневековья на Алтае наблюдается применение только боевых ножей наиболее простых форм, по одной разновидности которых имеется у горно-алтайских и лесостепных воинов.

Боевой топор – это оружие ударно-колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Состоит из двух основных отдельных частей: поражающей – боек или собственно топор и несущей – рукоять или древко-топорище. Боевые топоры от универсальных и рабочих отличаются меньшие размеры, более узкий клинок и, как правило, наличие четко выделенного, более длинного обуха.

На Алтае, в памятниках рассматриваемого периода, найдено 10 боевых топоров на 8 объектах. В классификации использовано 10 боевых топоров. В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 2 раздела, 2 отдела и 5 типов, дополненных 8 вариантами.

Имеющиеся на сегодняшний день источники позволяют наметить эволюцию боевых топоров у населения Алтая в самых общих чертах. Типологически ранними являются экземпляры появившиеся у тюрков в середине – второй половине VII в. н.э. Видимо первые образцы этого оружия были заимствованы у алано-болгарских племен во время господства тюркских каганатов на Северном Кавказе и в Волго-Донском междуречье. Там тюрки могли убедиться в эффективности боевых топоров и в дальнейшем разработать свою более легкую модификацию, которую переняли кыргызы и население юга Западной Сибири. Последующее развитие данного оружия в Горном Алтае и Южной Сибири шло по пути постепенного увеличения общих размеров, при уменьшении относительной ширины клинка, от трапецевидной формы к вогнуто-прямоугольной. Очевидно, это диктовалось необходимостью повышения ударной мощи. В Лесостепном Алтае появление боевых топоров можно связывать с тюркской традицией. Возможно, данная линия повлияла на внедрение этих экземпляров у кыргызов, а затем монголов. На эпоху развитого средневековья приходится всего один топор, восходящий к булгарско-золотоордынской традиции. Его находка в Лесостепном Алтае лишний раз подтверждает вхождение этой территории во владения Улуса Джучи.

Кистень – это оружие ударно-дробящего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Состоит из трех основных отдельных частей: поражающей – гири, несущей – рукоять или древко и направляющей – ремень или цепь, которая соединяет гирю и рукоять.

В средневековых памятниках Алтая найдено всего два кистеня. Оба они происходят из курганных погребений 2-ой пол. X – 1-ой пол. XI вв. н.э. сrostкинской культуры, с территории Лесостепного Алтая.

Найти полные соответствия кистеням сrostкинской культуры сложно, но основные их признаки имеют достаточное количество аналогий. Так первый кистень с шаровидным ударником и прямоугольной петлей близок целому ряду хазарских, болгарских и золотоордынских изделий. Второй кистень с биконическим ударником и петлей несколько похож на хазарские и раннеболгарские экземпляры без петли и болгарские с петлей. Форма ударника сближает его с согдийской находкой, а наличие вертикальных валиков с тюркским изделием. В целом кистени Тувы, Согда, Лесостепного Алтая образуют единую группу. Она отличается от восточноевропейской серии отсутствием неметаллических и безпетельчатых изделий. Это может отражать меньшую потребность в данном оружии и его большую элитарность.

Глава III. КОМПЛЕКСЫ БОЕВЫХ СРЕДСТВ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ

3.1. Вооружение населения Горного Алтая

Наборы боевых средств из средневековых памятников Горного Алтая представлены вещественными находками и изобразительными материалами, которые демонстрируют наличие всех основных видов защиты и нападения. Они обнаружены в объектах позднего этапа булан-кобинской культуры (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.), тюркской культуры (2-я пол. V–XI вв. н.э.), кыргызской культуры (2-я пол. IX–XI вв. н.э.) и культуры монгольского времени (XII–XIV вв. н.э.).

Вооружение позднего этапа **булан-кобинской культуры** включает: панцири, шлемы, попоны, луки, стрелы, копья, мечи, боевые ножи и кинжалы. Изображения булан-кобинских воинов на наскальных рисунках по составу показанного у них вооружения позволяют выделить несколько родов войск: легкую и тяжелую пехоту, среднюю и тяжелую конницу. Погребальные памятники булан-кобинской культуры по наличию в них различных видов вооружения делятся на две основные группы. В первой, состоящей из 26 могил, встречаются только луки со стрелами, боевые ножи или кинжалы. Во второй, насчитывающей 17 могил, помимо этого оружия, присутствуют пан-

цири, копья и мечи. Первая группа погребений может быть сопоставлена с легкой пехотой. Скорее всего, значительная часть этой группы должна относиться и к легковооруженной коннице. Вторую группу погребений логично сопоставить со средними и тяжелыми формированиями. Корреляция изобразительных и вещественных данных позволяет обозначить наборы вооружений каждого рода войск.

Паноплия легкой пехоты и конницы состояла из «мягких» панцирей и «твердых» шлемов, и луков со стрелами. Вооружение тяжелой пехоты включало «твердые» панцири и шлемы, луки со стрелами и копья. Средняя конница была вооружена панцирями и шлемами, копьями, мечами, луками со стрелами. Тяжелая конница имела такое же вооружение, дополнявшееся защитными попонами для коней. Большинство горно-алтайских воинов в качестве вспомогательного оружия ближнего боя использовало боевые ножи и кинжалы. Складывание булан-кобинского комплекса вооружения связано с воздействием хунно-сяньбийской и сармато-кушанской традиций. На позднем этапе особенно сильны черты сяньбийской традиции.

Вооружение **тюркской культуры** включает: панцири, шлемы, попоны, наголовья, луки, стрелы, копья, мечи и сабли, боевые ножи, кинжалы и боевые топоры. Панцири, стрелы, копья и мечи фигурируют в тюркских рунических текстах (Малов С.Е., 1951). Китайские летописи называют среди вооружения тюрков панцири, шлемы, луки со стрелами, копья, мечи, кинжалы (Лю Маоцай, 2002).

Наскальные рисунки изображающие тюркских воинов позволяют выделить среди них следующие рода войск: тяжелую, среднюю и легкую конницу, и тяжелую пехоту. В письменных источниках есть упоминания о тюркской пехоте, легкой и отборной коннице (Бичурин Н.Я., 1950; Малов С.Е., 1951; 1959). Среди тюркских погребальных и поминальных памятников с тяжелыми и средними формированиями можно соотнести 29 объектов содержащих, помимо стрелкового и коротко-клинкового оружия, находки панцирей, шлемов, попоны, копий, мечей и сабель, боевых топоров. К этой же группе следует добавить 50 каменных изваяний с изображением мечей, сабель и боевого топора. Серия из 61 могилы и оградки сопровождается только луками и стрелами, что должно говорить о ее принадлежности к легковооруженным подразделениям. Еще четыре погребальных объекта и 10 изваяний содержат лишь боевые ножи или кинжалы, и не отражают четкой специализации, хотя вероятнее всего относятся к легким воинам. Сопоставление изобразительных данных с вещественными находками позволяет полнее представить наборы вооружений различных родов войск.

Набор тяжелой конницы обязательно включал воинский доспех из панциря и шлема, конский доспех из попоны и наголовья (иногда без него), длинное копьё-пику, меч или саблю, и мог дополняться луком со стрелами и боевым топором. Панолия средней конницы отличалась отсутствием конского доспеха. Набор тяжелой пехоты подразумевал воинский доспех (шлем и панцирь) и лук со стрелами. Комплект легкого всадника состоял из «мягкого» доспеха и лука со стрелами. Боевые ножи или кинжалы использовали воины всех подразделений. Учитывая частое изображение длинно-клинкового оружия на каменных изваяниях, можно предполагать, что его могли иметь не только бронированные всадники, но и некоторые легкие воины. Тюркский комплекс вооружения раньше всего сформировался на территории Горного Алтая, на основе булан-кобинской традиции и нового сяньбийского импульса принесенного сюда племенем ашина в 460 г.

Вооружение **кыргызской культуры** включает: панцири, стрелы, меч, боевой нож и кинжал. Данный комплекс, исходя из распределения предметов вооружения в погребальных памятниках, можно условно разделить по двум родам войск. Группу из 11 могил, где встречены стрелы, боевой нож и кинжал, отнести к легкой коннице. Группу из 10 объектов, в которых найдены стрелы, панцири и меч – к средней коннице. Алтайский вариант кыргызского комплекса вооружения по своему типовому составу обнаруживает самую тесную связь с панолией кыргызов Минусы и Тувы, которая состояла из развитых средств защиты и нападения и соответствовала не только легкой и средней, но и тяжелой коннице (Худяков Ю.С., 1980). Его появление в Горном Алтае и северо-западных предгорьях было вызвано экспансией Кыргызского каганата после разгрома уйгуров в 840 г.

Вооружение **культуры Горного Алтая монгольского времени** включает: шлем, щиты, луки, стрелы, копьё, сабли и боевые ножи. Для характеристики состава войска могут быть привлечены наскальные рисунки, которые указывают на существование легкой конницы и хорошо согласуются с материалами из 11 погребений. Состав ее вооружения был весьма разнообразен и включал «мягкие» панцири и шлемы, щиты, луки со стрелами, копьё, сабли и боевые ножи. находка железного шлема тоже может относиться к этому набору, но нельзя исключать и наличия средней конницы, имевшей такое же оружие плюс «твердые» панцири. Существование последних, весьма вероятно, учитывая их наличие на сопредельных территориях, в частности в Лесостепном Алтае. Панолия горно-алтайских кочевников начиная с XIII в. н.э. полностью соответствовала монгольской традиции.

3.2. Вооружение населения Лесостепного Алтая

Наборы боевых средств из средневековых памятников Лесостепного Алтая представлены в основном вещественными находками и небольшой серией изобразительных материалов, которые показывают наличие основных видов воинского доспеха и оружия. Они обнаружены в объектах следующих археологических культур: кулайской (поздний этап) – III – 1-я пол. IV вв. н.э., одинцовской – 2-я пол. IV – 1-я пол. VIII вв. н.э., сросткинской – 2-я пол. VIII–XII вв. н.э. и кармацкой – XIII–XIV вв. н.э.

Вооружение позднего этапа **кулайской культуры** включает: панцири и стрелу. Изображения кулайских всадников свидетельствуют о существовании легкой и средней конницы. Остатки кольчатого и пластинчатых панцирей найдены на четырех кулайских объектах. Однако почти полное отсутствие в погребениях Лесостепного Алтая оружия заставляет обратиться к синхронным и однокультурным памятникам Кузнецкой котловины. Там обнаружена представительная серия стрел и кинжал (Ширин Ю.В., 2003). Эти данные, в сравнении с имеющимися материалами, позволяют воссоздать, в предварительном виде, наборы вооружения позднекулайских воинов.

Паноплия легкой конницы состояла, вероятно, из «мягкого» воинского доспеха, луков со стрелами и кинжалов. Средняя конница использовала железные, иногда двойные, панцири и такое же оружие. Для полного набора здесь не хватает копий и мечей, что явно обусловлено состоянием источниковой базы. Помимо конницы, велика вероятность существования у населения Лесостепного Алтая этого времени и легкой пехоты. Формирование позднекулайского комплекса вооружения связано с влиянием среднеазиатских и южно-сибирских кочевников.

Вооружение **одинцовской культуры** включает: панцири, шлем, щит, луки, стрелы, копье, мечи, боевые ножи и кинжал. О составе войска можно судить только по наличию различных видов вооружения в погребальных памятниках. Среди них выделяются две основные группы. Первая, из 25 могил, содержит луки, стрелы, боевые ножи. Во второй, из 9 могил, кроме этого оружия, встречены панцири, шлем, щит, копье, мечи и кинжал. Первую группу погребений можно сопоставить с легкой пехотой и конницей. Вторая группа могил отражает принадлежность к средневооруженной коннице.

Набор вооружения легкой пехоты и конницы состоял из «мягкого» доспеха, луков со стрелами и боевых ножей. Паноплия средней конницы включала панцири, шлемы, щиты, копьа, мечи, луки со стрелами, боевые ножи или кинжалы. Формирование одинцовского комплекса вооружения связано с взаимодействием кенкольской и булан-кобинской традиций. Данный процесс проходил на фоне миграции части кочевого населения из Семиречья и Горного Алтая в алтайскую лесостепь.

Вооружение **сросткинской культуры** включает: панцири, шлемы, щиты, луки, стрелы, копьа, мечи и сабли, боевые ножи, кинжалы, боевой топор и кистени. Изображения сросткинских воинов демонстрируют один род войска – среднюю конницу. Единичное изображение пешего лучника, по наличию за его спиной щита, можно считать спешенным всадником. Сросткинские погребальные памятники содержат достаточно много предметов вооружения. Среди них выделяется представительная группа из 79 могил, в которой обязательно присутствуют стрелы, мечи или сабли, а также встречаются панцири, луки, копьа, боевые ножи или кинжалы, кистени. Эту группу, с большой долей вероятности можно отнести к средневооруженной коннице. Однако часть ее объектов, с наборами из стрелкового и длинно-клинкового оружия, наиболее простым инвентарем и элементами обряда, возможно, связать и с легкой конницей. Наиболее уверенно с последней сопоставляется другая группа из 102 могил, содержащая только луки и стрелы, и иногда коротко-клинковое оружие. Корреляция изобразительных и вещественных данных позволяет представить наборы вооружений этих родов войск.

Набор средней конницы включал воинский доспех из панциря и шлема, щит, копье, меч или саблю, лук со стрелами, боевой нож или кинжал, боевой топор или кистень. Комплект легкого всадника состоял из «мягкого» доспеха, лука со стрелами, коротко-клинкового оружия и, видимо, мог дополняться мечом или саблями. Сросткинский комплекс вооружения сформировался в результате миграции части тюркских племен на территорию Лесостепного Алтая, после падения II Восточно-тюркского каганата (744 г.), что повлияло на облик боевых средств, среди которых преобладали изделия тюркской традиции, но сохранялись и одинцовские образцы.

Вооружение **кармацкой культуры** включает: панцири, шлем, луки, стрелы, копьа, сабли, боевой нож и боевой топор. Состав войска у населения кармацкой культуры может быть определен исходя из наличия видов вооружения в погребальных памятниках, среди которых выделяются две группы. Первая из 23 могил содержит луки и стрелы. Во второй – из пяти могил, кроме стрелкового оружия, присутствуют панцири, сабли, копье. Остальное оружие представлено сборами и случайными находками. Первая группа погребений, вероятнее всего, относится к легкой коннице. Не исключено, что к ней принадлежат, и могилы второй группы с саблями и копьем, особенно если учесть характер вооружения горно-алтайских кочевников этого времени. Только могилы с панцирями уверенно сопоставляются со средней конницей. Имеющиеся материалы помогают воссоздать наборы вооружений этих родов войск.

Паноплия легкой конницы включала, видимо, «мягкий» доспех, луки со стрелами, копыя, сабли и боевые ножи. Набор средней конницы состоял из панцирей и шлемов, копий, сабель, луков со стрелами, боевых топоров и боевых ножей. Формирование комплекса вооружения кармацкой культуры связано с присоединением Лесостепного Алтая к Монгольской империи (1207 г.) и закреплением этих земель за Улусом Джучи (1229 г.). Судя по оформлению большинства предметов вооружения, они развивались в русле монгольской традиции.

3.3. Реконструкция военной организации, тактическое и стратегическое применение войск

Для воссоздания структуры военной организации, тактики и стратегии населения Алтая в III–XIV вв. н.э. могут быть привлечены все группы источников. Наиболее ценные сведения содержат нарративные памятники. Однако применительно к территории Алтая их данные чрезвычайно скудны. В полной мере они могут привлекаться для анализа военной системы тюрок, а по остальным культурам их информация носит лишь опосредованный характер.

Военная организация населения *булан-кобинской* культуры в период «великого переселения народов» реконструируется на основе вещественных и изобразительных материалов. Боевое деление войска согласно результатам анализа комплекса вооружения, демонстрирует наличие четырех основных родов: легкой и тяжелой пехоты, легкой и средней конницы. В его составе имелись отдельные тяжелые всадники, не формирующие самостоятельных подразделений. По количеству и взаимовстречаемости видов вооружения в могилах, а также по соотношению их с общим набором инвентаря, среди булан-кобинских памятников можно выделить три группы погребений соответствующих различным военно-иерархическим уровням: ополчение (легкая пехота и конница), дружина (тяжелая пехота и средняя конница) и командный состав (средняя и тяжелая конница). Учитывая письменные сведения о военной организации Жужанского каганата, под контроль которого попала территория Горного Алтая, можно предположить, что население булан-кобинской культуры было знакомо с ее десятичной системой (Таскин В.С., 1984). Очевидно, булан-кобинские отряды сводились в сотни и тысячи, которые возглавляли представители военной аристократии.

Тактика булан-кобинского войска базировалась на комбинированном применении его различных родов. Основную роль на поле боя играла легкая и средняя конница. Первая использовала дальний бой из стрелкового оружия в рассыпном строю. Вторая применяла таранный удар и ближний бой с копьями и мечами в сомкнутом строю. Судя по рисункам, булан-кобинские

воины часто применяли и пешие боевые порядки, из тяжелых подразделений лучников и копейщиков, сражавшихся в плотном строю, и легких лучников, действовавших рассыпным строем. Стратегия булан-кобинского войска определяется исходя из оценки политической ситуации и этнокультурных процессов, протекавших в центральноазиатском регионе. Она была подчинена внешней политике Жужанского каганата, в войска которого привлекались булан-кобинские отряды. Наиболее активно они могли использоваться на северо-западных рубежах во время войн жужаней со среднеазиатскими хунну. Разнообразие родов войск, использование конной и пешей тактики, позволяло булан-кобинскому войску выполнять стратегические задачи как наступательного, так и оборонительного характера.

Военная организация населения *кулайской* культуры в период «великого переселения народов» может быть намечена лишь в самых общих чертах на основе археологических материалов. Боевое деление войска демонстрирует наличие легкой пехоты и конницы. В составе последней имелись отдельные средние всадники, которые не формировали самостоятельных отрядов. Военно-иерархическая структура кулайского общества была достаточной простой. Ее основу составляло родоплеменное ополчение, в которое входило все боеспособное мужское население. Но внутри ополчения уже намечалась определенная градация, связанная с выделением конницы, комплектовавшейся из наиболее зажиточных общинников. Отряды отдельных родов и племен возглавлялись выборными вождями из числа знати. Именно они использовали совершенные железные доспехи, являясь первыми средневооруженными всадниками.

Тактика кулайского войска сочетала комбинированное применение пехоты и конницы. Они использовали дальний бой в рассыпном строю. Хорошая защита военачальников обеспечивала им личную безопасность и эффективное руководство во время боя. Стратегия «кулайцев» была оборонительной и определялась необходимостью сохранения своих земель от набегов южных кочевников. Военная опасность стимулировала перевооружение и реорганизацию тактики, однако данные процессы не были завершены. Начиная с середины IV в. н.э. военное давление кочевников на территорию Лесостепного Алтая приобретает характер миграции. Из Семиречья сюда продвигается население кенкольской культуры, а из Горного Алтая племена булан-кобинской культуры. В военном отношении они значительно превосходили «кулайцев», что привело к распаду кулайской общности и сложению в алтайской лесостепи *одинцовской* культуры.

Археологические материалы позволяют более подробно представить структуру военной организации населения *одинцовской* культуры. Его вой-

ско делилось на легкую пехоту, легкую и среднюю конницу. Среди единичных памятников выделяется четыре группы воинских погребений соответствующих следующим военно-иерархическим уровням: ополчение (легкая пехота и конница), дружина (средняя конница), командный состав и главнокомандующий. Это была достаточно развитая организация. Наличие института главнокомандующего делало ее более централизованной.

Тактика единичского войска состояла в комбинированном применении легкой и средней конницы и была близка булан-кобинской. Легкая пехота, скорее всего, играла вспомогательную роль. Стратегия в процессе формирования единичской общности носила наступательный характер и была направлена на расширение своего ареала в пределах Лесостепного Алтая. Но уже в VI в. н.э. ситуация на юге Западной Сибири стабилизировалась. Наряду с единичской, здесь образовался целый ряд близкородственных культур: верхнеобская, саратовская, релкинская, уровень развития которых в военном деле, был примерно одинаков. Вооруженные конфликты между ними могли носить локальный наступательно-оборонительный характер. Ситуация изменилась после падения II Восточно-Тюркского каганата в 744 г., когда тюрки продвинулись на север в земли Лесостепного Алтая и покорили население единичской культуры.

Для реконструкции военной организации населения *тюркской* культуры могут быть привлечены не только археологические, но и письменные источники. Боевое деление демонстрирует четыре рода войск: тяжелую пехоту, легкую, среднюю и тяжелую конницу. Среди погребально-поминальных памятников тюрков выделяется семь групп соответствующих нескольким военно-иерархическим уровням: дружина (рядовые воины и десятники), средний командный состав (сотники), высший командный состав (тысячники) и главнокомандующий. На первые три уровня приходится по две группы воинов с делением на легкую и тяжелую (среднюю) конницу.

Письменные источники освещают организационную структуру войска во время Тюркских каганатов (552–744 гг.). Согласно их сведениям комплектование и управление тюркской армии было тесно связано с военно-административным делением государства на три составные части: центр и два крыла, из которых восточное (левое) именовалось *тонос*, а западное (правое) – *тардуш*. Верховное командование всеми вооруженными силами тюркского *эля* осуществлял *каган*, происходящий из правящего рода династийного племени Ашина. Его военные функции заключались в поддержании боеспособности армии, определении направлений походов и набегов, покорении и удержании в подчинении других племен. Военно-административное руководство кагану помогала осуществлять тюркская

племенная аристократия, из которой комплектовалось «служилое сословие» (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005). Командование отдельными армиями и военными округами осуществляли высшие должностные лица с титулами *ябгу* и *шад*. Они назначались из ближайших родственников правящего кагана, и именовались *тегины*. Ябгу являлся наследником престола. При обычном порядке в его ведении находились вооруженные силы центральной части державы, тогда как шады возглавляли крылья толос и тардуш. Иногда место ябгу и шадов занимали военачальники в ранге малых каганов. Все они руководили корпусами от 10 до 40 тыс. воинов (Кычанов Е.И., 1997).

Командирами отдельных отрядов войск на уровне высшего и среднего звена являлись должностные лица с титулами *тархан*, *шадарыт*, *буюрук*. Эти должности, по наследству, занимали главы собственно тюркских родов и племен, именовавшиеся *беги*. Высший командный состав представляли тарханы возглавлявшие отряды в тысячу или несколько тысяч воинов. Средний командный состав формировали шадарыты и буюруки руководившие отрядами в сто или несколько сотен воинов. По отношению к каганам они располагаются после тарханов или с менее почетной правой стороны (Малов С.Е., 1951; 1959). Вероятно, титул шадарыт был характерен для сотников левого и правого крыльев войска, а титул буюрук носили только сотники центра. Отдельный корпус войска составляла гвардия кагана. Ее командиры, на уровне сотников, носили прозвище-титул *бэри*, а позднее имели звание *внутренние буюруки* (Худяков Ю.С., 1986). Главной задачей гвардейского корпуса была охрана кагана и его ставки. В него отбирались лучшие воины из всех тюркских племен.

Источники ничего определенного не сообщают о рядовых тюркских воинах. Ясно, что они являлись свободными общинниками и к ним может быть применен тюркский термин *эр* – муж-воин. Хотя эрами становились все мужчины, прошедшие обряд инициации, вне зависимости от социально-имущественного положения и происхождения (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005), именно простые воины называются эрами в орхонских текстах чаще всего (Малов С.Е., 1951; 1959). Низшей организационной ячейкой рядовых воинов был десяток, возглавлявшийся самым старшим и опытным воином – десятником. Десятки (*он*) соединялись в сотни (*юз*), сотни в тысячи (*бынг*), а тысячи составляли *тумены* – отряды в 10 000 воинов, что соответствовало «азиатской» десятичной системе деления войска и народа (Худяков Ю.С., 1986). Большинство тюркских воинов являлись профессионалами. «Все наши люди опытни в военном искусстве» – такие слова от имени Тоньюкука цитирует китайский источник (Лю Маоцай, 2002). Простые эры

формировали постоянные дружины бегов по родоплеменному принципу. Из этих дружин на время походов составлялись отряды тюркской армии.

Тактика тюркского войска базировалась на согласованном применении различных родов конницы. Главную роль на поле боя играли отряды тяжелых (средних) всадников. Они образовывали плотно сомкнутый строй конной «фаланги». Атаки тяжелой конницы ярко описаны в орхонских текстах (Малов С.Е., 1951; 1959). По ним можно восстановить последовательность фаз боя. *Первая фаза* – это обстрел из луков при сближении с противником, *вторая фаза* (главная) состояла из таранного удара копьями, *третья фаза* заключалась в рукопашной схватке верхом и чаще всего являлась добиванием расстроенных порядков врага. Вспомогательную, но важную роль в тюркском войске играла легковооруженная конница. Низшими тактическими подразделениями тюркской армии выступали сотни, в которые сводилась тяжелая (средняя) и легкая конница. Полноценным тактическим отрядом являлась тысяча.

Тактическое построение тюркской армии на поле боя совпадало с ее организационным делением на три части: центр и два крыла. Отряды тяжелой и средней конницы образовывали центр боевых порядков, а легкая конница прикрывала фланги. Из ее состава выделялся авангард. Видимо, данное построение: центр, два фланга, авангард повторялось в каждой части тюркского войска. Не исключено, что в центральной части войска имелся резерв из гвардии кагана. Сражение начинали авангарды легкой конницы, которые обстреливали противника на дальней дистанции в рассыпном строю. Под их прикрытием на нужную дистанцию для удара выдвигались отряды тяжелой конницы, обеспеченные с флангов подразделениями легких лучников. Передовые отряды отходили к ним, уступая место копейщикам. Последние в сомкнутом строю атаковали врага. В момент сближения весь фронт вел обстрел противника. Войдя в соприкосновение, копейщики наносили по нему таранный удар. Если он был успешен и боевые порядки врага ломались, то легкие лучники стремились охватить их фланги и выйти в тыл. Если атака была отбита, легкая конница выдвигалась вперед, обстрелом прикрывая отход ударных частей. Под этой завесой копейщики перестраивались, и атака повторялась снова по той же схеме. Резерв мог вводиться в бой в критические моменты, на наиболее перспективных или угрожаемых участках. Иногда, тяжелая конница использовалась тюрками не только для фронтальных атак, но и при фланговом или тыловом маневре. Письменные и изобразительные источники фиксируют у тюрков и пехоту, но значения самостоятельного рода войск она не имела.

Стратегия тюрков была наступательной. Они нападали первыми, стремясь разгромить врага на его территории. По отношению к государствам с оседло-земледельческим населением практиковались серии набегов для получения добычи и дани. Если вооруженные силы противника оказывали сопротивление, то их пытались разбить в полевом сражении. При войнах с другими кочевниками тюрки старались дать генеральный бой или навязывали целую серию сражений, решающих участь кампании. Можно отметить практику внезапных нападений на врага, когда уничтожалась передовая часть его сил и тем самым подготавливалась победа над основным войском. Армия тюрков часто делилась на самостоятельные корпуса, каждый из которых действовал на отведенном ему участке фронта и выполнял свою часть стратегического плана. О существовании у восточных тюрков подобия генерального штаба, занимающегося планированием военных кампаний, определенно свидетельствует надпись Тоньюкука (Малов С.Е., 1951). Важная роль в этом отводилась разведке.

Стратегическое значение для тюрков территории Горного и Монгольского Алтая менялось в зависимости от военно-политической ситуации. В период сложения тюркского этноса земли Алтая являлись исходной базой, с которой началось создание государства. После распада единой державы на Восточный и Западный каганаты, горная часть Алтая превратилась в северо-западный рубеж восточных тюрков. С гибелью I Восточно-Тюркского каганата, она ненадолго стала центром независимого тюркского владения возглавляемого Чабыш-каганом. Во время II Восточно-Тюркского каганата Алтай (*Алтунская чернь*) снова стал северо-западным порубежьем, на котором тюрки «держали караул» во время войны с китайско-кыргызско-тюркешской коалицией. После гибели последнего каганата (744 г.) Горный Алтай послужил плацдармом для переселения тюркских племен в алтайскую лесостепь. Определенная часть тюрков осталась на коренных землях, сохранив традиционную организацию «толос–тардуш» и боролась за свою независимость с уйгурами (745–840 гг.), а затем на правах союзников вошла в состав Кыргызского каганата. В X–XI вв. н.э. тюрки совместно с кыргызами обороняли земли Южной Сибири от нападения киданей и найманов. Возможно, остатки горно-алтайских тюрков под названием *телес* (*толос*) упоминаются среди племен покоровшихся монголам в 1207 г.

Военная организация населения *сросткинской* культуры реконструируется по археологическим материалам. Боевое деление демонстрирует наличие двух родов войск: легкой и средней конницы. Среди сросткинских памятников выделяется шесть групп воинских погребений, соответствующих следующим военно-иерархическим уровням: дружина, средний и высший

командный состав, главнокомандующий. На первые два уровня приходится по две группы воинов с делением на легкую и среднюю конницу. Военная структура сротскинского общества почти полностью соответствует тюркской организации.

Тактика сротскинского войска также аналогична тюркской, но строилась на взаимодействии средней и легкой конницы. Стратегия во многом зависела от расстановки сил в центрально и среднеазиатском регионах. В процессе создания объединения (2-я пол. VIII – 1-я пол. IX вв. н.э.) она носила наступательный характер, направленный на завоевание всей территории Лесостепного Алтая. Достаточно сложная военно-политическая ситуация сложилась во время «великодержавия» Кыргызского и Кимацкого каганатов (2-я пол. IX – 1-я пол. X вв. н.э.). В этот период военные силы сротскинского объединения были направлены на оборону своих юго-западных рубежей. После образования империи киданей Ляо (916–1125 гг.), начинается движение ряда центральноазиатских племен в западном направлении, что приводит к ослаблению кыргызов и кимаков. Ареал сротскинской культуры на оборот расширяется. Ее памятники появляются в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине. Этот период (2-я пол. X – 1-я пол. XI вв. н.э.) можно считать наибольшим расцветом сротскинского объединения, когда оно проводило активную наступательную стратегию в северном и восточном направлении. Распад Кимацкого каганата и усиление кыпчакских племен привели к вытеснению сротскинского населения обратно в Лесостепной Алтай. Число памятников сротскинской культуры сокращается, и они локализуются преимущественно в предгорьях и вдоль поймы р. Оби. В данное время (2-я пол. XI–XII вв. н.э.) «сротскинцы» вынуждены были придерживаться оборонительной стратегии.

Военная организация населения *кыргызской* культуры реконструируется по археологическим материалам. Боевое деление войска обнаруживает наличие легкой и средней конницы. Среди кыргызских памятников выделяется четыре группы воинских погребений соответствующие дружинникам и средним командирам обоих родов войск. Вопросы военной организации, тактики и стратегии кыргызов подробно изучены Ю.С. Худяковым (1980). Алтайские материалы вполне соответствуют общей картине. Их своеобразие от кыргызских памятников на территориях Минусы и Тувы, заключается в отсутствии воинских погребений сопоставимых с уровнями высших командиров. Не исключено, что должности тысячников и главнокомандующих занимали представители местной (тюркской) аристократии, которым для усиления придавались кыргызские сотни.

Стратегическое значение территории Горного Алтая во время «великодержавия» Кыргызского каганата совпадало с ее ролью при Восточно-Тюркских каганатах, т.е. эти земли являлись северо-западными рубежами государства. Кыргызы могли использовать их как плацдарм при своей экспансии в районы Верхнего Прииртышья и как естественную оборонительную линию при ответном продвижении кимаков. Во 2-ой пол. X–XI вв. н.э. кыргызы оставшиеся на Алтае, должны были, совместно с горно-алтайскими тюрками, придерживаться оборонительной стратегии, охраняя свои южные рубежи от вторжений монголоязычных кочевников.

Военная организация населения культуры *монгольского времени* Горного Алтая восстанавливается по археологическим материалам. Боевое деление войска соответствует легкой и средней коннице. Погребальные памятники выглядят достаточно монолитно и составляют одну группу воинских объектов. Их можно сопоставить со слоем свободных общинников, из которого формировалось родоплеменное ополчение, комплектовавшее отряды легкой конницы. Выделить уверенно среди этой группы профессиональные погребения воинов-дружинников и командиров, пока, не представляется возможным, но, судя по случайным находкам вооружения, они имелись. В целом военно-иерархическая структура горно-алтайского общества значительно упростилась. Ее основу составляло ополчение, которым командовали вожди из местной знати, имевшие небольшие дружины из своего ближайшего окружения. Такая организация являлась вполне приемлемой для покоренных кочевых племен Монгольской империи.

Тактика горно-алтайского войска определялась господством легкой конницы. Командиры и отдельные дружинники, являвшиеся средними всадниками, либо не формировали самостоятельных подразделений, либо их небольшие отряды усиливали легковооруженную массу. Основным приемом ведения боя у местных кочевников являлся дистанционный обстрел в рассыпном строю. Монголы использовали такие отряды в качестве «передовых застрельщиков» (Худяков Ю.С., 1997). Длительность этой фазы сражения значительно возросла и зачастую приводила к победе до вступления в дело тяжелой конницы (Худяков Ю.С., 1991). Однако рисунки Горного Алтая свидетельствуют, о применении легкой конницей щитов, копий и сабель, что позволяло ей наносить таранный удар и вести ближний бой. Очевидно, это вооружение применялось в ходе скоротечных схваток или, в правильном сражении, когда боевые порядки противника нарушались. Эффективность, а с ней и значение легкой конницы существенно возросли, что впрочем, не отменило необходимости в тяжелой (средней) кавалерии.

Стратегия военных действий определялась для кочевников Горного Алтая политическими интересами монгольских государств, в которые они входили. В XII в. н.э., когда рассматриваемая территория, очевидно, была подконтрольна найманам, горно-алтайские контингенты привлекались для наступательных и оборонительных действий против западных киданей, кыргызов, монголов. С 1207 по 1260 гг. они, в составе монгольских армий могли участвовать в локальных войнах своего региона. С распадом единой монгольской державы, земли Горного Алтая вошли в состав Юаньской империи (1260–1389 гг.) и, скорее всего, местные отряды несли охрану участка северной границы.

Военная организация населения *кармацкой* культуры Лесостепного Алтая реконструируется по археологическим материалам. Боевое деление войска демонстрирует наличие легкой и средней конницы. Среди кармацких памятников выделяется три группы воинских погребений соответствующих ополчению, дружине и командному составу.

Тактика кармацкого войска не отличалась от горно-алтайских отрядов, а стратегия подчинялась политическим целям монгольских государств. В 1209 г. земли Лесостепного Алтая вошли в состав выделенного Улуса Джучи и остались за ним при разделе 1227 г., последовавшего за смертью Чингисхана. С созданием джучидами своего государства – Золотой Орды (1243–1396 гг.), алтайская лесостепь становится его отдаленной окраиной, пограничной с Империей Юань. Военные контингенты Лесостепного Алтая могли привлекаться монголами для охраны восточных рубежей.

В *заключении* подведены итоги исследования, которые могут быть сформулированы в виде следующих выводов:

1. На основе классификации основных видов защитной и наступательной паноплии проведен их типологический анализ. В период «великого переселения народов» (III–V вв. н.э.) боевой арсенал населения Алтая, сохраняющий некоторые предыдущие формы оружия: луки, стрелы, двухлезвийные мечи, боевые ножи и кинжалы, пополняется более совершенными средствами. Отмечается широкое распространение железного доспеха, разнообразных панцирей, шлемов, щитов и первых попон. Среди наступательного вооружения – это копья, однолезвийные мечи. Большая их часть была привнесена на территорию Алтая с Дальнего Востока, Центральной и Средней Азии, но некоторые типы сформировались уже на местной основе. Во 2-й пол. V в. н.э. у населения Горного Алтая появляется серия предметов вооружения, которая становится ведущей в раннем средневековье (VI–XI вв. н.э.). Возникают и совершенствуются новые типы панцирей, шлемов, попон, луков, стрел, копий, мечей, боевых ножей и кинжалов. Впервые начинают ис-

пользоваться наголовья, сабли, боевые топоры и кистени. Отдельные виды и детали вооружения заимствуются из Северного Китая, Восточного Туркестана и Восточной Европы, но основная масса боевых средств формируется на Алтае и отсюда распространяется по Евразии. На период развитого средневековья (XII–XIV вв. н.э.) приходится обновление типов шлемов, луков, стрел, копий, сабель и боевых топоров. Основная часть боевых средств заимствуется населением Алтая из других регионов: Забайкалье, Китай, Поволжье.

2. Изменения в конструкции вооружения позволили уточнить функциональную специализацию боевых средств. Ламеллярный доспех, за счет подвижности рядов и профилировки пластин хорошо гасил удары любого оружия, а многочастная вязка отдельными ремешками затрудняла его разрушение и облегчала ремонт. Ламинарная броня была менее эффективна, но проще в изготовлении и доступнее для массового употребления. Кольчатый доспех не получил на Алтае широкого распространения, хотя и появился здесь достаточно рано (с III в. н.э.). На это влияла его уязвимость перед броневой формой оружия. Среди пластинчатых панцирей прослеживается тенденция к поиску универсального покрова. Изначальное разнообразие сводится в раннем средневековье к господству «катафракты», которая сочетала оптимальную площадь бронепокрывтия с не слишком тяжелым весом. Эволюция шлемов была направлена на создание жестких конструкций, что отразилось в переходе от ремennого крепления к клепанному, от ламеллярной и узкопластинчатой структуры к секторной. Развитие конского доспеха определялось необходимостью максимальной защиты первых рядов конных копейщиков, что стимулировало создание полных попон и наголовий, и стремлением повысить мобильность и число тяжелых всадников – это вызвало появление облегченных покровов.

Большое внимание население Алтая уделяло совершенствованию стрелкового оружия. Первоначально использовались луки больших размеров и многочисленные трехлопастные наконечники стрел для прицельной стрельбы на дальнюю дистанцию. С середины V в. н.э. появляются средние и короткие луки. Из них экземпляры с тремя зонами жесткости служили для прицельного огня, а изделия с одной зоной жесткости – для скоротечной стрельбы. Продолжают господствовать трехлопастные наконечники стрел, но их размеры становятся крупнее. В конце I – начале II тыс. н.э. среди стрел на первое место выходят броневые наконечники. В XIII в. н.э. распространяются луки с более массивной рукоятью и крупные наконечники с однопластным пером, удобные для настольной стрельбы.

Применение таранного оружия средневековыми воинами Алтая имело решающее значение в кавалерийском бою. Его эволюция была направлена на выработку проникающих свойств у наконечников копий. Уже в IV–V вв. н.э. на Алтае фиксируется использование «легких» и бронебойных пик с узким пером. Первые ориентировались на борьбу с «мягкодоспешным» противником, а вторые – на поражение железных доспехов. С IX в. н.э. начинают распространяться копьё новой разновидности – рогатины. Они имели широкое массивное перо и являлись универсальным оружием.

Основным оружием ближнего боя для алтайских воинов служили мечи и сабли. Их развитие шло по пути создания оптимальных конструкций для использования в конном бою. У мечей совершенствовалась рубяще-колющая функция: от двухлезвийных клинков к однолезвийным, а затем к полуторалезвийным; от прямой рукояти к наклонной. Ближе к концу VII в. н.э. на Алтае появляются первые сабли, рассчитанные на рубяще-режущий удар. Боевые ножи и кинжалы, боевые топоры и кистени служили вспомогательными средствами нападения.

3. Изучение в предметах вооружения устойчивых деталей оформления выявило в изготовлении доспехов и оружия несколько этнокультурных традиций. У истоков формирования средневековых паноплий Алтайя стояли хуннская и сяньбийская традиции. Наследие хунну сказалось в производстве панцирей, шлемов, луков, стрел, мечей, боевых ножей и кинжалов. Из сяньбийского арсенала были заимствованы многие формы панцирей, шлемов, попон, наголовий, стрел, копий и мечей. Сяньбийская традиция легла в основу генезиса сабли. Кроме того, на серии предметов вооружения: стрелы, копьё, мечи и кинжалы прослеживаются черты сармато-кушанской традиции. С ней следует связывать появление кольчуг и щитов. Хуннская и сармато-кушанская традиции сильнее проявились в алтайской лесостепи, а влияние сяньбийской традиции более полно отразилось на горно-алтайском вооружении. В раннем средневековье на Алтае складываются самостоятельные военные традиции: тюркская и сротскинская. В начале периода тюркская традиция распространяется на многие территории Евразии и оказывает влияние на развитие вооружения в Лесостепном Алтае. Сротскинская традиция, вобравшая в себя тюркское наследие, выработала немало своеобразных черт, которые были восприняты окружающими народами. Ближе к концу периода на Алтае бытовала и кыргызская военная традиция, тесно взаимодействовавшая с двумя другими. Развитое средневековье ознаменовалось для всего населения Алтая утверждением монгольской военной традиции.

4. Совместное рассмотрение доспеха и оружия каждой из археологических культур позволило выделить характерные для них комплексы вооруже-

ния и определить состав войск средневекового населения Алтая. Главными их частями являлись тяжелая и средняя конница. Легкая конница (до монгольского времени), легкая и тяжелая пехота, имели вспомогательное значение. Эволюция вооружения у кочевников Алтая изначально была направлена на создание дифференцированных наборов боевых средств, рассчитанных на эффективное применение различными родами войск. В Горном Алтае особое внимание уделялось развитию тяжелой конницы, которая составляла у тюрков ударное ядро войска. Для Лесостепного Алтая наиболее приемлемой была средняя конница, достигшая оптимального качества у населения сrostкинской культуры. С VIII в. н.э. намечается постепенная унификация в оружейном наборе всадников, выразившаяся в оснащении легкой конницы длинно-клиновым, а затем и таранным оружием, что сделало возможным ведение ей ближнего боя. Окончательно этот процесс завершился в монгольское время.

5. В результате реконструкции военной организации средневекового населения Алтая было обозначено несколько стадий в ее развитии. На первой из них (III–V вв. н.э.) происходило постепенное изменение организационных форм. Из однородного ополчения возглавляемого выборными вождями – кулайская культура, начинает выделяться слой профессиональных воинов-дружинников и слой военной аристократии – поздний этап булан-кобинской культуры. Затем появляется институт верховного военного вождя, наблюдаемый у племен одинцовской культуры. Таким образом, происходит формирование полупрофессиональной армии с централизованным управлением. Это было связано с включением Алтая в орбиту политического влияния ведущих кочевых держав Центральной и Средней Азии и миграциями на его земли пришлого населения, которое задавало новые организационные импульсы. На второй стадии (VI–XI вв. н.э.) отмечается максимальное усложнение военной организации. Ополчение перестает играть значимую роль, в дружине и командном составе наблюдается дифференциация по родам войск. Для данного времени можно говорить о сложении профессиональной армии с назначаемым командным составом и верховным главнокомандующим. Указанные преобразования были вызваны сложением на Алтае государственных объединений. В археологическом отношении их можно связать с тюркской и сrostкинской культурами, в рамках которых развитие военной организации достигло наивысшего предела. На третьей стадии (XII–XIV вв. н.э.) происходит упрощение военной системы. Она включает ополчение, дружину и командный состав. Армия снова становится полупрофессиональной с децентрализованной системой управления. Данные изменения связаны

с подчинением земель Алтая монгольским государствам, которые использовали покоренные кочевые народы в качестве иррегулярных подразделений.

6. Тактическое применение войск средневековыми кочевниками Алтая определялось функциональной направленностью комплексов вооружения. Распространение в период «великого переселения народов» передовых средств защиты, таранного и длинно-клинкового оружия, и выделение из общей легковооруженной массы войска самостоятельных бронированных подразделений, вызвало специализацию войска по родам и усложнило способы их боевого использования. Помимо дальнего боя в рассыпном строю, стал обязательно применяться таранный удар в сомкнутом строю, с переходом к ближнему бою. Тактика строилась на взаимодействии легких, средних и тяжелых подразделений. Дальнейшее усовершенствование вооружения в раннем средневековье привело к возрастанию в войске удельного веса бронированных подразделений и преобладанию в тактике роли таранного удара. В развитом средневековье, несмотря на сохраняющееся деление войск на легкую и среднюю конницу, наблюдается их тактическое сближение и возрастает роль дальнего боя. Стратегическое искусство населения Алтая сочетало оборонительные и наступательные действия, в зависимости от военно-политической ситуации. Наиболее последовательно наступательная стратегия проводилась тюрками во время существования их каганатов.

7. Алтайские материалы свидетельствуют о высоком уровне развития военного дела у местного населения, прежде всего, в раннем средневековье, когда данный регион сам являлся центром или находился недалеко от центров государственных образований и русла основных политических событий. Выдающуюся роль сыграло военное дело тюрков. На его эволюцию сильное влияние оказывало противостояние Китаю с огромными людскими и техническими ресурсами, основную часть войск которого составляла пехота, снабженная арбалетами и мощным длинно-древковым оружием. Численное соотношение войск всегда было не в пользу кочевников. Это во многом определяло необходимость массового использования тяжелой конницы с ее таранным ударом, чтобы одерживать победы в неравных условиях. Выработанные тюрками формы доспеха и оружия, способы организации и применения войск, не только позволили им завоевать большую часть евразийских степей, но и заставили другие кочевые народы перенять многие элементы их военной традиции. Тюркский опыт продемонстрировал средневековымномадам значение качественного превосходства, без него были бы невозможны грандиозные успехи монгольских завоеваний.

**ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ В
СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:**

Монографии и учебные пособия

1. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с. (авт. вклад – 7,0 п.л.).
2. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех): монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с. (20,0 п.л.)
3. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай): монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с. (авт. вклад – 6,0 п.л.).
4. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие): монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с. (26,9 п.л.)
5. Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. I. Древний Алтай: пособие для учителя. Барнаул: Позитив, 1997. 160 с. (авт. вклад – 2,5 п.л.).
6. Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Часть I. Древний Алтай: учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений (10 кл.). Барнаул: Позитив, 1997. 240 с. (авт. вклад – 3,5 п.л.).

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК

7. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4 (28). С. 94–102 (авт. вклад – 0,6 п.л.).
8. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология, 2006. №3. С. 31–40 (авт. вклад – 0,4 п.л.).

Статьи и материалы конференций

9. Неверов С.В., Горбунов В.В. Об одной особенности рубяще-колющего оружия кимаков Восточного Казахстана и племен сросткинской культуры Верхнего Приобья // Археологические исследования в Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1989. С. 80–82 (авт. вклад – 0,1 п.л.).
10. Горбунов В.В. Реконструкция вооружения раннесредневекового воина с территории Лесостепного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1991. Т.2. С. 73–75 (0,2 п.л.).

11. Горбунов В.В. Случайная находка наконечника копья IX–X вв. н.э. из с. Верх-Кучук // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1991. С. 47–49 (0,2 п.л.).
12. Уманский А.П., Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов верхнеобского правобережья в IV–V вв. н.э. // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1991. С. 161–165 (авт. вклад – 0,3 п.л.).
13. Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов Горного Алтая и предгорий в X–XIV вв. н.э. // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 74–76 (0,2 п.л.).
14. Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов Горного Алтая эпохи «великого переселения народов» // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан: Изд-во АГПИ, 1993. С. 42–44 (0,2 п.л.).
15. Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 80–90 (1,0 п.л.).
16. Горбунов В.В. Реконструкция вооружения древнетюркских воинов Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 109–116 (0,5 п.л.).
17. Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 243–252 (авт. вклад – 0,3 п.л.).
18. Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плеса II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 156–166 (0,95 п.л.).
19. Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191 (авт. вклад – 1,0 п.л.).
20. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 115–129 (авт. вклад – 1,0 п.л.).
21. Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 102–128 (2,7 п.л.).

22. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Вооружение населения Лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: материалы Международной научной конференции. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 262–266 (авт. вклад – 0,2 п.л.).
23. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Случайные находки средневекового вооружения в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 190–194 (авт. вклад – 0,2 п.л.).
24. Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая (известия лаборатории археологии). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175 (авт. вклад – 0,6 п.л.).
25. Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: материалы Международной научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 47–55 (0,7 п.л.).
26. Горбунов В.В. Исследование курганного могильника Иня-1 в Лесостепном Алтае // Археологические открытия 1998 года. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 285–286 (0,15 п.л.).
27. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сrostкинской культуры на Приобском Плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. Том VI. С. 405–410 (авт. вклад – 0,2 п.л.).
28. Горбунов В.В., Ситников С.М. Исследование аварийного кургана сrostкинской культуры на памятнике Кайгородка-V // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 9–16 (авт. вклад – 0,8 п.л.).
29. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. Том VII. С. 281–287 (авт. вклад – 0,25 п.л.).
30. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Новые сведения о случайных находках предметов вооружения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 160–165 (авт. вклад – 0,3 п.л.).

31. Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Раскопки курганов на Алтае // Археологические открытия 2000 года. М.: Наука, 2001. С. 212–214 (авт. вклад – 0,1 п.л.).
32. Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 176–178 (авт. вклад – 0,3 п.л.).
33. Горбунов В.В. Комплексы оборонительного вооружения средневековых кочевников Алтая // Мир Центральной Азии. Археология. Этнология: материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. Т. I. С. 12–21 (0,6 п.л.).
34. Горбунов В.В. Панцирь из Татарских могил (реставрация и реконструкция) // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 62–78 (1,8 п.л.).
35. Горбунов В.В., Исупов С.Ю. Монгольские шлемы с территории Алтая // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 135–143 (авт. вклад – 0,7 п.л.).
36. Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 43–46 (авт. вклад – 0,15 п.л.).
37. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Средневековые воины Алтая // Природа. 2002. № 9. С. 71–78 (авт. вклад – 0,6 п.л.).
38. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91 (авт. вклад – 0,7 п.л.).
39. Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130 (авт. вклад – 1,5 п.л.).
40. Горбунов В.В. Этнокультурные традиции в изготовлении доспехов у кочевников Центральной Азии // V Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. М.: Ин-ут этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 106 (0,15 п.л.).
41. Горбунов В.В. Изображения тяжеловооруженных всадников в наскальном искусстве Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: тезисы докладов VI Международной научной конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 147–148 (0,2 п.л.).

42. Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. I. С. 37–42 (0,4 п.л.).
43. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. Кн. II. С. 227–229 (авт. вклад – 0,2 п.л.).
44. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. №10. С. 107–117 (авт. вклад – 0,6 п.л.).
45. Горбунов В.В. Панцирные пластины тюркского доспеха // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2004. №12. С. 95–114 (2,5 п.л.).
46. Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 92–95 (0,4 п.л.).
47. Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М. Погребение воинов эпохи «великого переселения народов» на Верхнем Алее // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Труды гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. Серия II, выпуск 1. С. 18–36 (авт. вклад – 2,0 п.л.).
48. Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. С. 200–223 (1,5 п.л.).
49. Горбунов В.В. Методика реконструкции предметов вооружения // Снаряжение кочевников Евразии: материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 14–17 (0,25 п.л.).
50. Горбунов В.В. Копья воинов сrostкинской культуры // Снаряжение кочевников Евразии: материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 67–73 (0,4 п.л.).
51. Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Исследование памятников средневековья на Алтае // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука, 2005. С. 420–423 (авт. вклад – 0,1 п.л.).
52. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Средневековые находки оружия с Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 44–47 (авт. вклад – 0,2 п.л.).

53. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-П на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии: материалы Всероссийской научной конференции. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 327–333 (авт. вклад – 0,4 п.л.).
54. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс снаряжения рядового кочевника Горного Алтая в монгольское время (по материалам памятника Усть-Бийке-III) // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 41–44 (авт. вклад – 0,3 п.л.).
55. Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю. Случайная находка наконечника копья у с. Володарка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. XV. С. 179–181 (авт. вклад – 0,15 п.л.).

Подписано в печать 18.09.2006
Усл. печ. л. 3,0. Формат 60×90/16.
Заказ _____ Тираж 100 экз.
Бесплатно

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, Димитрова, 66